

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВЛАД
СИЛИН

МОНОПОЛИЯ НА ЧУДЕСА

Влад Силин

Монополия на чудеса

2007

Силин В.

Монополия на чудеса / В. Силин — 2007

Черные тени сгущаются над безмятежным восточноевропейским городом. Неведомый маг-злоумышленник играет судьбами жителей Ведена, шантажируя их, убивая, обрекая на жуткое посмертие и отправляя по их следу адские создания. В ходе запутанного расследования частному детективу Игорю Колесничему придется столкнуться со смертельными интригами древнего магического ордена, члены которого становятся жертвами преступного колдуна. А помогут ему в этом инспектор маголовки Винченцо и бесшабашная студентка Света – ночная фурия Ведена и ходячее стихийное бедствие.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.	21
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	33
ГЛАВА ПЯТАЯ	48
ГЛАВА ШЕСТАЯ	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Влад Силин

Монополия на чудеса

ГЛАВА ПЕРВАЯ

(*Пятница, 10.30,
рассказывает Игорь Колесничий*)

Когда я, прикрывая голову от дождя сумкой, вбежал в подъезд, видок у меня был тот еще. Вахтер оторвался от желто-черного в глянце «Буду для чайников» и грозно сдвинул брови:

– Ваше удостоверение, гражданин?

Я опешил:

– Леонид Степанович, вы чего? Я же Игорь! Игорь Колесничий, частный детектив!

Глаза у дяди Лени сделались оловянные, словно две блесны.

– Ничего не знаю. Объект режимный, положено. У вас там секретарша, сейф с оружием, дела приватные, Интернет... Повынесут все – с кого будут спрашивать? С Лонгфелло?

Против Лонгфелло не попрешь, так что пришлось лезть за удостоверением. Пока я рылся в карманах, вахтер сверлил меня немигающим «авгурским» взглядом. И что за муха его укусила?

По изразцам вахтерочьей будки змеились золотые блики чар. Те плитки, что от сглаза и порчи, растрескались, другие сияли первозданной чистотой. Ясно дело, боевые дзайаны здесь редко ходят... А обычных посетителей дядя Леня гоняет с девяти до шести с перерывом на обед. Может, и свободное время прихватывает. Я попытался отыскать два секретных изразца (от ревизий и начальничьего самодурства), но не нашел. В уголок, наверное, вмазаны, чтобы проверяющие не наткнулись.

Наконец удостоверение нашлось. Я протянул вахтеру красную книжечку, и тот надолго зарылся в нее носом, временами поднимая взгляд, чтобы сличить фотографию.

– Не похож, – выдал наконец. – Игоря вижу, Колесничего тоже... А вот фейс-контроль не тот.

– Да побойтесь бога, дядь Лень!..

– Ладно, шучу, шучу... На вот зеркальце, дыхни.

В полной прострации я дыхнул на сверкающую гладь. Стекло затуманилось, и Степаныч кивнул одобрительно:

– Не кадавр, вижу. Чего мокрый-то?..

– Студенты куролесят, – равнодушно пожал я плечами. – Погодники синоптичью базу данных хакнули. Выходной на дождь приходился, вот перенесли.

– Флеш-моб устроили, – задумчиво пробасил дядя Леня. Аскавское слово вышло у него вкусным, словно шоколадный батончик. – А у нас, понимаешь, свои флеш-мобы. На тебе вот иголочку серебрянью. Не боись, я ее коньяком протер.

Все интереснее да интереснее. Сперва проверка на кадавровость, теперь на ликантропию... Тыча иглой в палец, я поинтересовался:

– Дядь Лень, не томи. Что случилось-то?.. Доппельгангер в Ведене? Джек-потрошитель?

– Да не... – поморщился тот досадливо. – В гильдии вахтеров вакансия приключилась. Ну, вакансия-то не про наше рыло – Мастер Турникета на пенсию вышел. Но говорят, чтобы его место занять, три квеста надо выполнить.

– И каких же?

– Принести подстаканник Силы, – начал бодро перечислять тот, – отдежурить сутки в мавзолее Всех Святых и поймать восемь вахтеров при исполнении халатности. Сам понимаешь, радеть приходится.

– Понимаю.

Мне стало весело. Шуршит наш цербер, старается… Оказаться среди квестовых восьми вахтеров – это позор на всю жизнь!

– Ладно, Игорек, иди… – Дядя Леня с грустью протянул мне удостоверение. – Лихом не поминай. Вижу, не кадавр ты, а, наоборот, работник дедуктивного фронта. И вот что… Уважь, старика. Черкни в гильдию писульку благородственную: так, мол, и так, старается Леонид Степанович, радеет. Бдит неустанно. Емейлом, как ты умеешь.

– Обязательно, дядь Лень! – согласился я с неожиданной покладистостью. И поинтересовался, уходя: – Дядь Лень, а зачем вам вуду? Вы ж не дзайан, колдовать все равно не умеете.

– А это без разницы: дзайан, не дзайан… Враг, Игорек, он ведь не дремлет. А ну как я на вахте, а тут барон Самеди со своими скелетами? И этот, – вахтер скосился в книгу, – Дшибхалах-Уедо? Степаныча-то голыми ручонками не возьмешь! Степаныч – он в теории силен! Сам кого угодно зомбирует.

– Ясно.

Чувствуя, что еще немного и меня придется размораживать, я зашел в офис. Вода хлюпала в кроссовках, джинсы липли к телу. Белевшая на лестничной площадке статуя фра-ваша проводила меня задумчивым взглядом. Я коснулся мраморного крыла (на счастье) и взлетел по лестнице вверх, к дверям родного офиса.

– Даши, привет! – крикнул еще с порога. – Чаяю, чаю, чаю! Умираю, пить хочу!

На ходу сдирая куртку и свитер, я помчался в кабинет. Разноцветные осенние листья в вазе укоризненно зашелестели мне вслед.

– Явился, ага, – хмыкнула Дашка. – Воронушек. Начальство не опаздывает, начальство задерживается.

– Не нуди, слушай! – весело отозвался я. – Я тут чуть не погиб. Хочешь вселенскую тайну открою?

– Ну?..

Я придал своему лицу заговорщицкий вид.

– Степаныч изучает вуду! – драматическим шепотом объявил я. – Проклял меня для профилактики, хорошо в зомби не превратил.

– Воро-онушек! – потрясенно выдохнула Дашка и помчалась кипятить воду.

В кабинете моем стояла зимняя тьма. Окна затянуло мутной пленкой, по стеклу гремели градины. На ходу выпрыгивая из хлюпающих кроссовок, я включил компьютер.

Кстати, господа… Проходя через приемную (Дашкину берлогу, как она ее сама называет), я заметил кое-что странное. На экране компьютера зеленело поле пасьянса. «Паук» или «Солитер», понятия не имею.

Тут надо объяснить: Даша – манара… ой, ладно, это я объясню позже. В общем, половина пасьянсов из стандартного офисного набора у нее сходится всегда, а другая – так же сто процентно не сходится.

А вот теперь начинается дедукция. Пасьянсы Дашке складывать неинтересно, однако на компьютере у нее «Паук». Зачем?.. Очень просто: это демонстрация. Для меня. Вот, мол, великий злой начальник-рабовладелец, обрати внимание: дел у агентства никаких, а я в офисе день-деньской, в пятничный выходной жизнь свою молодую-девичью гублю.

Я пошарил по столу взглядом. Где-то должен валяться такой смешной белый прямоугольничек с закорючками и линеечками. Заявление на отпуск называется.

Ничего. Стол сиял чистотой и порядком. В клавиатуре сдох бы самый неприхотливый в еде таракан. Это лишь подтверждало мой диагноз.

– Дашука!.. – позвал я.
– Если ищешь свитер, он в коробке из-под принтера!
– Ага, спасибо.
– Носки шерстяные надень! Воронушек.

Чайник забурлил, и моя секретарша стремглав бросилась его выключать. Электронике она не доверяет, за те два года, что я ее знаю, чайнику ни разу не удалось выключиться самому.

– Кроссовки на батарею сунь!.. Не высохнут же!

Вообще-то Дашка на четыре года меня младше. Но опекает, как мама, первая любовь и охотник за головами, которому обещали миллион за мои уши. И при этом – никаких планов на мой счет. Как она сама говорит, хорошая охотница в своем огороде слонов не гоняет.

На самом деле она сокровище, моя Дашка. Знает наизусть все кодексы, помнит уйму телефонов и адресов, держит в голове бухгалтерию. Психов распознает за версту. Чай заваривает – все синские императоры за чашку бы удавились.

Потупив взгляд с видом малолетней гейши, Дашка поставила на стол поднос. Я с аппетитом принюхался:

– Оулонг?
– Джарджелинг, бестолочь! – притворно обиделась та. – Сорт «Три дзайана», красно-золотая коробка за десять алеманов. Пора бы уже различать.
– Учути и исправлюсь, солнце!

Я отхлебнул из пиалы и, чтобы не терять времени, свободной рукой взялся за мышь. Курсор ткнулся в конвертик почтового клиента; тот помигал и накрылся крестом.

– Интернет вытек, – резюмировал я.
– Дай гляну. – Дашка изогнулась, заглядывая через мое плечо. – Ага! Погодь, я сейчас.

Она отобрала у меня мышку и радостно полезла в закладки. Щелчок в ссылку «Лечить больную зверюшку»; на экране раскрылась серо-серебряная дзайанская янтра.

– Подруга посоветовала, – бодро отрапортовала Дашка. – У нее парень из хакеров. Говорит, зануда страшный, просто тридцатая серия «Ночного раздора», но в компьютерах счетет.

Нет, я люблю Дашку! Додуматься же – магией лечить Интернет. Однако клиент мигнул белым, показывая, что новых писем нет. В браузере замелькали заголовки новостей: «Глава гильдии поваров под поводком», «Трехлетний дзайан парализовал воспитательницу в детском саду», «Нужна ли нам инквизиция?»

– Класс! – восхитился я. – А если кабель выдернуть, будет работать? Ну-ка, ну-ка... Эй!

Кабель валялся на полу – в трогательном соседстве с полплиткой шоколадки и счастливым листом клевера.

– Я же говорила! – задрала нос Дашка. – Теперь можно провайдера на фиг послать. У вас, сказать, Интернет хреновый и янтры не грузятся. Дай я тебе шоколадку достану.

Шоколадка оказалась неожиданно съедобной. И вкусной. Я подумал-подумал и решил кабель пока не трогать. Чего, спрашивается, из кресла вылезать? Только разнежился, под пледом пригрелся – нате вам!

Дашка стояла рядом и стригла хитрющими глазами. Руки она прятала за спиной. Я пятой точкой чувствовал ее нетерпение.

– Ну вот, солнце, – сообщил я, допивая чай, – твой шеф подобрел. Можешь начинать. На стол передо мной легло заявление.

– Игорешик, – торжественно объявила моя неподражаемая секретарша, – я хочу в отпуск.
– Новая любовь? – меланхолично поинтересовался я.

– Это не то, что ты думаешь. – Даша с притворным смущением потеребила край кофточки. – Он обо мне всю жизнь мечтал.

– А ты что? Даш, ты же манара! Ты всегда знаешь, сложится у тебя с человеком или нет.

Моя гордая леди презрительно наморщила носик. Я понял: шутки шутит. Поразвлечься захотелось, в любовь поиграть. Девчонке двадцать три, кровь бушует – просто тра-ля-ля.

– Не пущу.

– Ну воро-онушек! Пожа-алуйста! У меня зимняя депрессия начнется.

– Не начнется, – веско объявил я. – Сейчас октябрь, через двадцать дней переводят часы. Будешь приходить на работу часом позже, уходить часом раньше. Для личной жизни времени – за-ва-лись.

Дашка надулась и уселась на подлокотник кресла. Взъерошила мне волосы:

– Воронушек, давай серьезно. Это ты у нас супермен, а я ужасно устаю на работе, – и добавила с женской непоследовательностью: – Тем более у нас и дел-то никаких нет!

– Нет, так появятся.

– Воро-онушек!..

Опа! Сейчас в ход пойдет тяжелая артиллериya. Секундой раньше, чем Дашка начала реветь, я объявил:

– Хорошо, хорошо! Сейчас половина первого. Если до часа не появится клиент, подписываю. Нет – значит, нет.

– До без четверти! – зауправлялась та.

– Идет! Время пошло.

Обманутая моей мнимой покладистостью, Дашка только сейчас сообразила глянуть на часы. В уголке монитора горело «10.54».

– Обманул! – взвизгнула она, вцепляясь мне в волосы. – Мерзавец!

– Ау-у! Только не по голове! Я ею думаю!

Яростно закусив губу, Даша вызвала окно установки времени. Переставила часы на без двадцати час.

– Вот тебе!

– Уволю! – продолжал завывать я. – Прокляну! Вычеркну из завещания!

– Ну воронушек, ну пожалуйста!.. А потом, хочешь, я к тебе в рабство поступлю?

– Сексуальное? – оживился я.

– Как потребует мой господин!

После такого оставалось лишь согласиться. Мы придвинулись к экрану, азартно следя, как одна цифра сменяет другую. Когда до назначенного срока оставалась минута, почтовый агент пикнул, и его конвертик налился красным.

– Клиент! – обрадовался я. – Ты остаешься.

– Мя-ау! – заныла Дашка. – Вот так всегда... Нет в жизни личного счастья.

С торжествующим видом я полез в ящик. Рано радовался... Письмо выглядело так:

«Родственники пьют вашу кровь? Начальство заказало на вас приворот к работе? У вас аллергия на шерсть и вы хотите завести ручного василиска?

Грандмастер Людей поможет вам!

Глава Веденского ковена, представитель известнейшего дзайанского рода, маг-профессионал, Станислав Людей, магистр дзайанов! Десятая степень в школах фантомии, коннектии и хаосной вакханалии. Не поддавайтесь на дешевый гипноз, идите к профессионалам!»

Слишком поздно я сообразил, что без сетевого кабеля компьютер сможет принимать только спам от дзайанов.

Дашка запрыгала по кабинету, выкидывая па, которым позавидовала бы сама Бернадетт Флинн¹:

---

¹ Бернадетт Флинн – легендарная исполнительница ирландских танцев, лучшая танцовщица всех времен, миров и народов.

– Ур-ра! Красавица Дашуля свободна, как три гуля!

– Как пуля, – проворчал я, ставя подпись на заявлении. Как назло, по закону подлости плед выскользнул из-под руки и зацепил пиалу. Чай хлынул на стол, чудом не залив клавиатуру. Тонкая струйка закапелила по ковролину.

– Все, уже собираюсь! Счета в левом ящике, письма в правом. – Дашка оглядела устроенный мной свинарник и скрчила непередаваемую гримаску: – Как поешь, не забудь вымыть пол. И не скучай без меня!

– Угу… – с кислым видом я полез за тряпкой. – С тобой действительно не соскучишься.

Тут-то оно и произошло. Все замечательные вещи всегда случаются неожиданно.

В дверь позвонили.

Я замер с тряпкой в руках. Клиент! Мысленным взором окинул себя: волосы мокрые, взъерошенные, сам в клетчатом пледе и вязаных носках. Ангел-хранитель с шерстяными крыльями. Детектив называется!

– Трево-о-ога!

Плед и носки полетели в ящик шкафа. Пока Дашка щебетала в приемной, я влез в неудобные клетчатые брюки и напялил жилет. Картиз с пуговкой бросил на стол. Вообще-то наш гильдейский дресс-код – это что-то, кадавры со смеху дохнут, но иногда приходится. Когда любимые джинсы насквозь вымокли, а в кроссовках хлюпает.

Надо отдать Дашке должное: мой кабинет она защищала, как триста спартанцев Фермопилы.

– Нет-нет, – доносилось до меня, – он занят! Консультирует магистра внутренних дел. Да. И его величество тоже. И Заотара Римского, если понадобится.

Когда гость добрался до дверной ручки, он порядком вымок и подустал.

– Э-э… Игорь Анатольевич? – умоляюще заглянул он в дверь. – К вам можно?..

– Входите, – я сделал приглашающий жест. – С кем имею честь?

– Вениамин Серафимович я. Литницкий. Дзайан в некотором роде…

– Очень приятно. Подождите, – добавил я жизнерадостно, – сейчас закончу с делами.

Вообще-то дзайанам врать не стоит. Мастера фантомии и церковной магии ложь за километр чувствуют. А дел у меня никаких особенных-то и нет… Но врываться без приглашения нехорошо. Очень нехорошо, особенно ко мне.

Похоже, гость это чувствовал. Он сконфуженно шлепнулся в кресло и принял разглядывать свои руки.

Та-ак. Клиент на дозревании.

Я заглянул в еженедельник. Ни с каким Литницким Даша о встрече не договаривалась. Да и вряд ли бы она затихарила клиента… Она хоть и взбалмошная девица, но порядок знает. В базе данных за Литницким ничего не числилось. Запретной магией, значит, не балуемся…

– Чудно тут у вас, – сообщил вдруг гость, оглядывая маски на стенах. – Спокойно как-то и… и… уверенно. Знаете, у меня предчувствие, что именно вы мне поможете.

– Это уж само собой, – кивнул я, не отрываясь от экрана. – Как ваши дела огородные?

– Не понял?

Дзайан заморгал – похоже, я попал в точку. На лице его отразилось такое восхищение, что мне стало неловко.

– Но как… как вы догадались?!

– Элементарно, Ватсон. Дедукция.

– Дедукция! – с трепетом повторил тот.

Тоже мне бином Ньютона… И не дедукция вовсе, а индукция. Одет Вениамин в яркий китайский пуховик, на голове старомодная шляпа. Лицо в морщинах, ладони корявые, из портфеля ручка грабель торчит. Кто как не огородник?

Но на Литницкого моя проницательность оказала шокирующее воздействие. Прошло несколько секунд, прежде чем морщины на его лице разгладились.

– Хорошо, благодарствую... – поклонился он. – Малинка вот отплодоносилась ремон-тантная. Бананы колосятся, киви гроздьями. Кислые, правда. – Старик аккуратно придинул портфель к креслу. – Попробовать не желаете?

– Спасибо, позже. Лучше вы сразу к делу. С чем пожаловали?

Старичок пожевал губами.

– Я слышал, – медленно начал он, – что в вашем ведении были... кхе-кхе... не совсем обычные расследования. Это правда?

– Об этом лучше не распространяться. Сами понимаете, конфиденциальность.

– Да, да, понимаю. Я и сам бы... того... не хотел. Но, дело в том, что мой случай особенный. Ручаюсь, у вас такого не было.

Все так говорят. И, самое удивительное, никогда не ошибаются. Ообычных дел не бывает – по крайней мере у нас, в Ведене.

– Вот и прекрасно, Вениамин Серафимович. – Я улыбнулся. – Может, вам чаю заварить? Даша!

– Чай подождет. – Старичок придинулся поближе: – Скажите, у вас крепкие нервы?

Я кивнул.

– Хорошо. – Он принялся лихорадочно рыться в портфеле. – Это очень хорошо... Сейчас, сейчас, подождите... Вот она!

В первый миг я даже не сообразил, что это. На стол плюхнулась неопрятная, топорща-щаяся перьями грязная куча. Потом до меня дошло.

Елки-палки!

– Умоляю спасти от чупакобразов! – с жаром зашептал Вениамин Серафимович. – Дачно-огородный участок площадью шесть соток! Дом, сарай, будка типа сортир...

Я посмотрел на кучу с интересом:

– От кого, говорите, спасти?

– От них, родимых! Вот, смотрите. – Старик перевернул куриный трупик. – Голова раз-грызена, потом...

– Вижу. Ну и что?.. Собака постаралась.

Старик всплеснул руками:

– Игорь Анатольевич! Ну при чем же здесь собачка?! Канис, так сказать, вульгарис?! – Он раздвинул пальцами перья, открывая набрякшую синим рану. – Вот след от клыков. И здесь. Смерть наступила вследствие кровавой недостаточности. Перед нами последствия жизнедея-тельности дэва, сиречь злобного чупакобраза.

Почтовый агент пикнул – пришли новые письма со спамом. Я удалил их, не заглядывая. Повезло мне... Принесло на голову сумасшедшего.

– Хорошо, – с бесконечным терпением отозвался я. – Давайте подробнее: кто, как, когда, почему.

В дверь постучали. Просунулась любопытная Дашина мордашка:

– Воронушек, а я чай принесла.

– Замечательно! Ставь сюда.

Это я зря, конечно... Психологии Дашкиной не учел. Поднос она плюхнула прямиком на куриный трупик, лишь потом сообразив, что наделала.

От Дашкиного визга перегрузился компьютер.

– Что ЭТО????!!! Воронушек, что это????!!! А-а-а-а-а!!!!

– Ничего особенного, Дашук, – невозмутимо отозвался я. – Наше новое расследование, вешдок.

– Она что, – глаза секретарши округлились, – дохлая??!

Я пожал плечами. Ну а что, лучше, если она была бы живая?.. Дашку вынесло из кабинета, как тойтерьера пылесосом. Вениамин проводил ее неодобрительным взглядом:

– Жена-покойница тоже нервами чудила... Всеми силами вас, так сказать, понимаю и сочувствую.

– Да ладно, – отмахнулся я с веселой бесшабашностью, – все равно она в отпуске. Подождите секундочку.

Уже ничего не стесняясь, я полез с тряпкой под стол. Чайник отстрелявшейся мортикой дымил под креслом. Вытащив его, я заозирался в поисках ложечки. Зловещие тайны зловещими тайнами, а чай все равно заварить надо. Курица укоризненно косилась на меня пыльным глазом. Я притащил из приемной подставку, подключил к розетке. Лихо сдвинув трупик в сторону, шлепнул поднос на изгаженную перьями столешницу.

– Ну вот, – сообщил я бодро, – сейчас все будет. Где, кстати, ваш участок находится?

– Где?.. А в «Светоче». Минут двадцать электричкой. Моложе был, в «Солнцегорье» мотался... Но там, сами знаете, сорок минут рельсами и семь километров пешком. Никаких ног в наличии не предвидится. Разве что телепортацией лететь.

– В «Светоче», – с сомнением протянул я. Это ж во сколько вставать придется, чтобы туда ехать? – Ладно. Вы рассказывайте, рассказывайте. Давно твари появились?..

– Твари-то? Прошлой неделей. Серые такие, пушистые. На зайцев похожи. Я чего удивился, когда вы собачку-то гипотезой приплели. Викуха моя чупакобразов ужас как боится. А вы говорите – собака!

Вода возмущенно забурлила. Я вытряхнул старую заварку в мусорник, залил кипятком новую и оставил чайник под полотенцем – доходить. Гость тем временем продолжал свою удивительную повесть:

– ...смотрю, а Викуха под крыльцом сидит. И воет, воет. Жалостливо так воет. Жена-покойница очень собачьего плача не любила... Как услышит, сразу за сердце. В осмыслении недостаточности.

– Ясно.

– И перья вокруг.

– Понятно. Курицу сразу нашли? – Я протянул пиалу бухгалтеру: – Вы пейте, не стесняйтесь.

– Курицу-то?.. Курицу нет, благодарствую. Пацаны откопали. У них в лесу чисто масонская ложа. Нет чтобы школу осваивать, уроки изучать. – Старик деликатно отпил из пиалы и зажмурился от удовольствия: – М-м! Грузинский?..

– Оулонг. Из Китая.

– То-то гляжу, не наш чаек... Не индийский, не краснодарский. Жена-покойница любила настои почевничать.

Понемногу этот замечательный старик разговорился. Правда, полезную информацию из него приходилось выколачивать только что не монтировкой. По всему выходило, что дзайан вел ангельское существование. Ни с кем нессорился, завещаний не писал, книг с запретными заклинаниями в доме не держал. Будь я мастером дзайанов, уж точно устроил бы себе жизнь поинтереснее.

– К Ясне обращались? – деловито спросил я. – Все-таки дела чудесные в ведении церкви. Вызвали бы инквизицию, те участочек почистили, туалет типа сортир святым пламеньицем...

– Благодарю покорно! В мой дом – аснатара патлатого?!

– А к дзайанам?

Вениамин замкнулся в мрачном молчании. Он же сам дзайан! – вспомнил я. Ему у коллег помочи просить хуже бриллианта в почку.

– Ладно, ладно, хорошо. – Утопая в океанах раскаяния, я достал бланк договора. – Заполните, пожалуйста. Цена – три тысячи алеманов. Вас устраивает?

Судя по тому, как торопливо кивнул старичок, я мог просить и триста тысяч. Законную треть он выдал без разговоров и даже не потребовал расписку. Эк его приперло!

— Оставьте ваш телефончик и координаты, — предложил я. — Пока же заедем к вам, посмотрим на месте.

— Прошу прощения, дражайший Игорь Анатольевич! — отчего-то испугался тот. — Не сегодня, не сегодня!.. Послезавтра — в любое время, с утра до вечера. Буду на даче безвыходно!

— Ладно. Послезавтра, значит, послезавтра, — согласился я. Мне тоже не улыбалось срываться куда-то в «Светоч» к Аrimану на кулички.

Дрожащей рукой старик вывел на отрывном листке календаря несколько строк.

— Тут еще адресок в городе... — робко проблеял он. — Будете мимо — всегда рад! И зелени вам оставлю, — достал из портфеля пакет с пучками травы и выложил на стол. — Базилик, слизун, укропчику, любисточку опять же. Со своего огорода. Огурчики там тепличные. А курицу...

— Курицу заберите. Что мне ее — в суп класть прикажете?

— Хорошо, хорошо! Как прикажете, милейший Игорь Анатольевич. Всего вам доброго!

Меленько кланяясь, дзайан заспешил к двери. Через несколько секунд его шаги раздробились на лестнице, затихая. Дзайан умчался из моего кабинета сломя голову, словно орды Дшбхалах-Уедо преследовали его. Таинственный старик!

Проводив гостя, я прошелся от окна к столу. Оскаленные морды монгольских богов сочувственно плялились со стены.

Дэвы, значит...

Чем-то старик-огородник меня смущал. Замечательная история с чупакаброй, которую маг упорно звал чупакобразом, звенела фальшивой нотой. Где-то этот неповторимый мастер магистров хотел меня надуть.

Где?..

Поразмыслив, я решил в частном порядке проконсультироваться у дзайанов. Спам, что свалился, пока мы спорили с Дацкой, пришелся очень кстати.

Я открыл почтовый ящик, отыскал письмо и нажал кнопку «ответить». Компьютерные гуру в один голос утверждают, что делать этого нельзя. Но я-то знаю, что маги мэйл-роботами не пользуются! Для этого они слишком возвыщенно мыслят.

«Уважаемый господин Людей! — меланхолично настучал я. — Возникла насущная необходимость прояснить...»

Тут я задумался. Магам следует писать четко, коротко, по существу. Они это любят. Так что я стер все, кроме первого предложения, и напечатал: «Нужна консультация». Подпись — и в путь.

Ответ пришел сразу же.

«Буду рад знакомству. Приходите через сорок минут в «Ксанаду». Пропуск в сейфе. Станислав Людей».

«Ксанаду»? Элитный ресторан магов-дзайанов, куда обычному человеку в жизни не попасть?!

Все интереснее и интереснее.

Что ж. Некоторые проблемы решаются сами собой. Я открыл сейф, где у меня хранились кое-какие документы и оружие. Перевинченная из сувенирного яйто катана и «эфа» — старенький восемнадцатизарядный пистолет. Магии в нем почти никакой: «умный» предохранитель, чара от гремлинов, защита от «малого шепота». Зато почти не фонит, и дзайаны его не видят.

Повернувшись пистолет в руках, я спрятал его обратно. Время разбрасывать камни еще не пришло.

Карточка, о которой говорил Людей, лежала тут же — кокетливо засунутая под шнурок меча. Я мельком осмотрел ее. Обычная ресторанная визитка. В уголке тиснение золотом:

«Игорь Анатольевич Колесничий, гость ковена». Логично. «Ксанаду» – ресторан дзайанский. Он меняет свое положение, так что отыскать его могут лишь сильные маги или их гости. Вряд ли господин Людей так встречает всех своих клиентов.

Чем-то я для него важен.

Сняв с батареи высохшие джинсы и свитер, я переоделся, а потом отправился в город.

ГЛАВА ВТОРАЯ

(*Пятница, 13.30,
рассказывает Игорь Колесничий*)

Где и как искать «Ксанаду», я не имел ни малейшего понятия. Просто брел нога за ногу по улицам Ведена, наслаждаясь осеню и хорошей погодой. Магические тучи над головой рассеялись, и небо сияло умытой акварельной голубизной. Под ногами шуршали опавшие листья. Обожаю, когда листья засыпают старинные чугунные решетки… Что-то при этом просыпается в душе – детское, мечтательное.

Хотел бы я знать, трогает ли Дашу листопад? Она ведь у нас манара…

Пора вам, пожалуй, рассказать, кто такие манары. Дело в том, что у людей и дзайанов строгое разделение обязанностей. Дзайаны могут колдовать, но у них нет на это маны – магической энергии. А у нас энергии завались, вот только использовать мы ее не умеем. Чтобы найти силы для заклятий, маг накидывает на человека так называемый «поводок». На одного, другого, третьего… слишком много поводков набрасывать нельзя: сила и безумие всегда ходят рука об руку.

Говорят, монахи Ясны – те, что прячутся по монастырям, – носят поводок самого Заратустры. Это выходит, пророк живет уже шесть тысяч лет. А мир до сих пор цел. Наверное, с долгой жизнью маги становятся мудрыми, спокойными и ироничными. Потопы, чумные поветрия и огненные горы с небес теряют для них свою неизъяснимую прелесть.

Люди же под поводком (их называют «манарами» или «поведенными») здорово меняются. Они перестают мечтать. Просто живут себе как живется… Нет, им хорошо живется: ни болезней тебе, ни мыслей дурных. То, что Даша про депрессию языком трепала, – это она кокетничала. Случайности напрочь исчезают из жизни. То, что тебе положено, само в руки придет, а не положено, так хоть в лепешку разбейся, ничего не будет.

Вот только это скучно… собственно, потому Дашка у меня и работает. Еще есть у нее развлечение – романы крутить. Дело в том, что манар всегда наперед знает, сложится у него с человеком или нет. Иногда влюбленные, чтобы проверить свои чувства, отправляются к дзайанам. На коленях умоляют о поводке, «дабы явить миру их вселенскую любовь и нерушимую крепость уз». Слышится, правда, что «крепости уз» и в помине нет. Неудачливые влюбленные выходят потом из ковенских храмов – глаза в землю, щеки красные. И друг на друга не глядят, словно незнакомы.

Но это редко. Обычно все-таки остаются друзьями.

Некоторым такая жизнь нравится. Они бы в поведенные за любые деньги, да вот маги не хотят… Маны-то с каждого манара («обманутого» на их жаргоне) по-разному выходят. У одного столько, что горы мизинцем свернешь, а у другого – песчинку чихом не передвинуть.

Это как-то связано с творчеством – потому что творить манары не умеют. Если манар пишет песню, помидоры со смеху вянут. Картины, книги тоже выходят не очень, хотя на вкус и цвет товарищей нет.

А еще из манаров получаются отличные друзья.

Как из Дашки, например.

Так вот, неспешно размышляя, я дошел до Веронских садов. К чугунной ограде сада прислонилась заляпанная краской доска. Один ее конец упирался в землю, другой нависал над садом реей пиратского корабля.

Ага, вот и приглашение! Просто и доходчиво.

Я пробежался по доске, показал метрдотелю карточку (тот сонно прикрыл веки) и с воодушевлением вынырнул на выложенную разноцветным мрамором площадь.

Место сразу же влюбляло в себя. Я отлично понимаю магов, что прячут такое чудо от непосвященных.

Кое-где стояли столики. Их было мало: от одного до другого пришлось бы кричать, надрывая горло. Дзайаны обедали с таким видом, будто, кроме них, во всем мире никого нет. Дальний край площади обрывался в море; в синем небе покачивались мачты пинасс, белели паруса фрегатов; море баюкало в кружевной пене узкие стручки гондол. Что там, за морем, интересно?

Долго размышлять не пришлось. Пухленькая Коломбина – с рыжими кудряшками и кукольным удивленным лицом – с энтузиазмом вцепилась в мой локоть.

– Гость?! Вы – гость!

Говорила она так, словно сама идея речи приводила ее в восторг.

– Что будете заказывать?! – воскликнула она. – Только единорожины нет! И печной василиситины – угольные ямы не работают!

Некрасивое лицо Коломбины дышало счастьем. Отчего-то ее восторг передался и мне. В тот миг я мог поклясться, что неработающие угольные ямы – это прекрасно.

– У нас чудесный салат-бар! Недавно открыли! Всего два алемана, и ешьте сколько влезет! Хотите, я вам о нем расскажу??!

– Солнце, я не хочу салата.

– А Шевелящего Щупальцами Глубинного Ужаса??!

– И морепродуктов тоже.

– Тогда я принесу вам воды! Минеральной! У нас очень вкусная вода!

Ветер плеснул в лицо ароматами моря. Того моря, что бывает во снах: пахнувшего солью, раскаленными под солнцем досками, смолой и парусиной. Здесь, среди мачт и башен, я чувствовал себя дома. Словно долго-долго путешествовал, а потом вернулся и оказался среди добрых друзей.

Один из гондольеров помахал мне, и я ответил на приветствие.

– Где я найду Людяя? – поинтересовался я у Коломбины.

– Грандмастер сказал – выбирать вам! – счастливо выпалила та. – Где хотите! Любое место!

Что ж… Я огляделся. Сидеть за столиком, пожалуй, скучно. Не обращая внимания на предупреждающие крики Коломбины, я побрел вдоль причала.

Возле укутанной в золотисто-зеленый бархат гондолы меня накрыло предчувствием. Вот оно – мое место. И гондола эта покачивалась на волнах целых двадцать семь лет – с самого моего рождения, ожидая, когда я наконец появлюсь. Я храбро шагнул через борт и опустился на вытертую до бронзового блеска скамью.

Кадавр-гондольер уставился на меня белыми яшмовыми глазами.

– Наконец-то, – усмехнулся он, коверкая слова на невообразимый манер. – Я уж решил, что ты «кайрэ косэ» – человек без приюта. Но Людей не ошибся. Отсюда начнется твой новый путь.

На причале испуганным зверьком застыла Коломбина. В глазках-пуговках плескались восхищение и страх.

– Ой! – восторженно прошептала она. – Он заговорил с вами! Они ведь ни с кем не говорят, да! А я… я тоже это слышала!

– Вот и прекрасно. – Яshalовливо усмехнулся и повернулся к гондольеру: – Может, скажешь ей что-нибудь? Обрадуешь девчонку на всю жизнь.

Кадавр заколебался. Похоже, им действительно не все равно, с кем говорить… Решившись наконец, он повернулся к официантке слепое лицо:

– Слушай, торопыга. Один клиент оставил тебе на чай фальшивую монетку. Догони его. Скажи, что он оставил свой талисман. И сама станешь его талисманом.

Коломбина задохнулась от счастья. Пользуясь мгновениями тишины, я заказал ризотто с трюфелями в белом вине и бокал испанского. На экзотику меня не тянуло. Попрыгунья унеслась, а я вздохнул спокойно.

Но ненадолго.

Вернулась болтушка спустя несколько минут. Чуть не сверзившись в воду, протянула мне бокал, истекая волнами обожания.

– Вкусно??!

– Очень.

– Сейчас будет ризотто! Подождите!

И вновь убежала. Я глянул на часы. М-да… Минут через сорок и через сорок минут – две большие разницы. Необходимость магов – это, конечно, притча во языщах, но не настолько же. К счастью, тут появилась Коломбина, крича:

– А вот и ваш друг! Спасибо вам!

К столику действительно шел Станислав Людей. Длинный, худой, сутулый – эта сутулость придавала ему особенный экстравагантный шарм. Седые виски, крючковатый нос, бородка-эспаньолка. В юности я завидовал бородачам. У меня самого, как ни старался, росла лишь трехцветная смешная мочалка.

– Игорь Анатольевич? Здравствуйте, дорогой! – Дзайан протянул руку.

– Здравствуйте, Станислав.

– Я смотрю, вы со вкусом устроились.

– С ним кадавры разговаривают! – восхищенно наябедничала официантка. – И запросто!

– Это правда?

Я пожал плечами. Правда, нет, какая разница?.. Людей рассеянно взял из моей руки бокал. Понюхал, посмотрел на свет.

– Позволите?

Я кивнул. Он отпил маленький глоточек, поморщился и выплюнул.

– Акта Лапута… Чернила, полусухое прошлого века. И как вы это пьете?

– Ну, я до вин небольшой охотник.

– Еще бы! Вы не охотник, вы траппер. – Людей махнул рукой. – Эй, балаболка! Сюда немедленно. В каталоге, – он обернулся ко мне, – об этой дряни пишут «имеет аромат виноградного изюма». Действительно «виногадного», лучше не скажешь.

Официантка с собачьей преданностью подбежала к Людею. Тот поманил пальцем и, когда Коломбина придинулась, о чем-то спросил. Девушка обрадованно закивала:

– Сухого??!

– Полусухое – это полумеры, – отрезал Людей. – Бодяга из Риохи, запомнила? Год смотри не перепутай!

– Хорошо!

– Постой. – Станислав бросил плащ на скамью и уселся. – Дай сюда меню.

Читал он долго, шевеля губами и морща лоб. Все это время официантка стояла подле столика. Наконец он заказал жаркое из мяса василиска. Подробно объяснил, как оно должно жариться и во что он превратит шеф-повара, если не заработают угольные ямы.

Когда официантка умчалась, Людей похлопал кадавра по плечу:

– Можете отправляться, друг.

Тот молча кивнул. До разговора с Людеем он так и не снизошел.

Весло прочертило воду пенным зигзагом. Причал неспешно уходил вдаль. Мне стало интересно, как бедняжка Коломбина принесет заказ. Поплынет кролем с подносом на вытянутой руке? Или у них бочонки на шее, как у сенбернаров? Представив эту картину, я рассмеялся. Людей с недоумением покосился на меня.

– Да так, – весело отозвался я. – Не обращайте внимания. Мысль одна пришла в голову.

– Вы жизнерадостный человек, – одобрительно кивнул грандмастер. – Что ж, тем больше у нас шансов столковаться.

Солнце припекало совершенно по-летнему. Я бросил куртку на дно гондолы. Брызги с весла гондольера обдавали кожу приятной прохладой.

– О чём вы хотели говорить со мной?

– О тварях. Похоже, мне предстоит охотиться на нечисть.

– Созданную, вызванную, трансформированную? – деловито поинтересовался Людей. – Нежить? Имейте в виду: чтобы убить аспида, нужна громкая музыка. Мои студенты используют «Ночной шепот». Если встретите грима, его нужно облаять.

– Облаять?!

– Да. Эта кладбищенская тварь боится собак. Упыря можно упокоить, полив могилу «Волко-Лакой». Можно использовать «Пепси-Лаку», но результат много хуже…

– Господин Людей, не будем вилять. Я собираюсь встретиться с чупакаброй.

Людей восхитился:

– Да вы парень не промах! Как насчет небольшого перформанса?.. Вы не против одного дзайансского чудачества?

И, не дожидаясь ответа, прищелкнул пальцами. Кадавр со вздохом протянул ему гитару.

– Эль чупакабрас, значит… – задумчивым голосом произнес Людей. – Ужас мексиканских долин, убийца коз, кур и любви к бифштексам с кровью. В Сан-Педро и Ла-Флориде о нем складывают удивительные баллады.

И, ударив по струнам, запел:

Если встретишь чупакобраза,
Попрощайся со всей родней.
Это мерзость, кошмар, зараза,
Словно мизер сыграть без одной.

Он твои ботинки сложет,
Он понюхает твой пиджак,
И ничто тебе не поможет,
Не спастись от него никак.

Эль-чупакабра, ай! эль-чупакабра!
Эль-чупакабра, ай! чупакабрас!

Я улыбнулся. Маги трепетно лелеют свою экстравагантность и непредсказуемость – считается, что это помогает в хаосных заклинаниях. Людей пел замечательно, и я не смог удержаться. Из-под скамьи торчали плетеные ручки маракасов. Поймав мелодию, я принялся отбивать такт.

Синьорита в красном сомбреро
На фазенду несла обед.
Но явился ей ужас прерий,
Есть сомбреро, мучачи же нет.

Если ты настоящий мачо,
Если чили горит в крови,
Дай кошмару каньонов сдачи,
Ужас прерий в шмотье порви.

Эль-чупакабру, ай! эль-чупакабру!
Эль-чупакабру, ай! чупакабрас!

Маг отложил гитару в сторону.

– Это грустная история, друг мой… Многие храбрецы сложили головы, пытаясь спраться с чудовищем. Как я понимаю, вы… Слушайте, Игорь, – обычным голосом продолжил он, – а давайте на «ты»? – И, не дожидаясь согласия, продолжил: – Ты ведь не просто так меня разыскивал. Дела с Литницким, да?

– Да. Но как вы… ты догадался?

– Игорек, запомни: встречаешься с магом – никаких документов. Спрячь, порви, выброси. У тебя в кармане договор с Литницким. А я глава Веденского ковена, и неприятности мне не нужны. Поэтому я хочу тебя кое о чем предупредить.

– Слушаю внимательно.

Я протянул пустой бокал, и Станислав плеснул мне вина. «Бодяга» оказалась не в пример мягче того, что заказал я, но большой разницы все равно не чувствовалось.

– Литницкий – один из сильнейших магов Ведена. По силе он многократно меня превосходит.

– Грандмастера и главу ковена?!

Дзайан грустно усмехнулся. Так усмехаются разжалованные из правительственные магистров политики. Интриги, интриги…

– Сила Литницкого в поводках. Я подозреваю, что он опутал сетями сотню манаров или больше. Естественно, это не могло не сказаться. Даже дзайаны боятся безумного Вениамина, что уж говорить о людях?

Над бортом возникло сверкающее облачко. Из него вынырнула девчоночья рука со скотлендским на ногтях лаком и принялась расставлять миски. Один раз она промахнулась и поставила соус мне на колени. Я едва успел подхватить чашку.

– История безумия Вениамина, – принялся рассказывать Людей, – уходит своими корнями в Средние века. В девятьсот девяносто шестом² году римский заотар Урбан II объявил Крылатый поход против мусульман. Рыцари-крылоносцы со всей Европы ринулись на Восток. В их числе был один из предков Литницкого. Да, последователи дзайана Мухаммеда сражались храбро… Но кто мог противостоять этой замечательной крылатой своре? Ислам потерпел безоговорочное поражение.

Из мусульманских земель рыцари привезли много сокровищ. Золотые блюда-микроволны, мечи-маньяки, цепи Гименея, многосерийные остросюжетные гобелены, зеркала-стилисты. Потомки старого мародера до сих пор живут на деньги, вывезенные из арабских волшебных пещер. За крохотное колечко на аукционе Сотсби дают полтора миллиона алеманов или пожизненную лицензию на отстрел попсовиков. Некоторые вещи, правда, старый рыцарь продавать запретил. В том числе аль-Бариу – мистический кинжал, наделенный непознаваемой магией.

---

² Для особых зануд: существуют два календаря – церковный и дзайанский. Церковный очень сложен, отсчет времени идет со дня рождения Заратустры (это около шести тысяч лет тому назад), а дни обозначаются примерно так: «день Гош месяца Михра» или того хлеще: «день Дайя при дне Дэн месяца Дайя». Пользоваться им без страха свернуть мозги невозможно. Дзайанский же родился случайно. Три дзайана-волхва заблудились в пустыне. Силы у них кончились, но, на их счастье, в небе проглянула звезда. Идя за ней следом, дзайаны выбрали к дому некоего простолюдина. У того как раз родился ребенок. Счастливый отец накормил гостей, а узнав, что тем нужна магическая энергия, предложил своего новорожденного сына в манары. Наброшенный поводок дал невообразимо много маны: ребенка ждала удивительная судьба, теперь, правда, уже никто не знает какая… Дзайаны щедро расплатились с хозяином. Впоследствии, когда один из них создал новый календарь, в качестве точки отсчета он взял дату рождения этого мальчишки. И это при том, что толпа королей, императоров, святых и пророков на коленях умоляла об этой чести.

– И что, – заинтересовался я, – никто не знает, как он действует?

– О да! Кинжал есть, магия тоже… сильная, могущественная, но для чего она? Загадка. Известно только, что сосредоточена она в рубине, что украшает рукоять аль-Бариу. Вениамин дни и ночи проводил в библиотеках. Он досконально изучил историю Средних веков, он брел Крылатыми походами и суфийскими магами. Старик часами просиживал в сокровищнице, любясь на переливы тузасской стали. Но тайна не давалась ему. А однажды он обнаружил в хранилище мышь. Ну, сам понимаешь, какая тут безопасность, когда мышь! В поисках магической защиты Вениамин поднял на ноги весь ковен. Мы устроили конкурс, однако контракт уплыл в руки нахального выскочки – без степени и диплома. Позорному дилетанту, чье единственное достоинство заключается в хорошо подвешенном языке.

– Бывает, – с воодушевлением перебил я. – Помню, один клиент…

Но Людяя оказалось не так просто сбить с толку.

– Выскочке, – продолжал он твердо, – поначалу возмутительно везло. Совершенно случайно его защита работала на высочайшем уровне. Но однажды она дала сбой. Когда в сокровищницу забрался вор, аль-Бариу выскочил из витрины и пронзил его сердце. Вот только, – маг поморщился, – дилетант есть дилетант. Он использовал мое заклятие «Умри v1.23», но не поставил все необходимые патчи. А в магоритме был баг. Вор бежал из сокровищницы, унося кинжал в своем теле. Хорошо хоть, это была лицензионная, а не пиратская версия, а то не видать Литницкому техподдержки, как своих гландин. Наши ребята проконсультировали его, как убрать пятна на полу и расставить опрокинутые стулья. Похитителя, правда, не нашли… но не все же сразу!

– А дальше? – жадно поинтересовался я. История меня впечатлила.

– Дальше… Вениамина этот случай вверг в депрессию. Он зачудесил и присвоил все белые листы дома Литницких. Это правительственные разрешения на поводки, – пояснил Людей, видя непонимание в моих глазах. – Дело в том, что Вениамин – глава рода. Как обычно бывает в таких случаях, жуткий деспот и самодур. Посадил родственников на безманный паек, а сам стал приманивать на дарманщинку разных обманщиков и манаферистов. Говорит, собирается построить абсолютную защиту. Такую, чтобы и самому спрятаться, и сокровища укрыть.

– А чупакабры…

– Не знаю. Возможно, и нет никаких чупакабр. Возможно, у Литницкого просто манаакальный синдром от избытка маны. Знаешь, Игорек, я бы не советовал идти к старику… Кто знает, для чего ты ему понадобился?

Хорошо поговорить с мудрым, знающим человеком! Я думал совершенно так же. Вот только дело это нас kvозь провоняло тайнами, а я люблю загадки.

– Извини, – развел я руками. – Вопрос профессиональной чести. Не обсуждается. Ты лучше скажи, чем можешь помочь? Какой-нибудь талисман, заклятие?

– Талисман… – Людей задумался. – Та-ли-сман. Знаешь… Есть один талисман, точно! Света.

– Талисман света?! Это уже интересно.

– Да нет! – поморщился маг. – Не света, а Света. Девчонка у меня в студентках, такая забавненькая. Хорошая дзайана, между прочим. Пока в звании знатока, но лет через пять-семь может и на мастера³ вытянуть.

Я покачал головой:

– Станислав… Может, побережем девчонку, а? Дело, ты же говоришь, опасное.

Дзайан посмотрел на меня с симпатией:

– Ну, во-первых, она не девчонка, а дзайана. Во-вторых, она знает и умеет очень многое. А в-третьих, Света приходится Вениамину дальней родственницей. Старик повернут на семей-

---

³ Степени дзайанов по возрастанию: неофит, знаток, мастер, грандмастер, аватар магии.

ных узах. Если он стал манааком, это дает шанс. Другого шанса я не вижу. – И, порывшись в карманах, протянул мне пистолетную обойму: – Возьми на всякий случай. У тебя «эфа», я знаю. Должно подойти.

Я подбросил обойму в ладони.

– Против чего пули?

Грандмастер пожал плечами:

– Сразу и не скажешь… Против тварей фантомии: найтмары, спектры, полтергейсты. Против призванных монстров тоже пойдут. Кадавра сможешь завалить, – правда, не такого сильного, как ксанадский. – Он покосился на гондольера. – Против нежити бесполезно: скелеты лучше руками разбивать, а зомби упокаивать холодной сталью. Вот, в общем, и все. Ну как?

– Спасибо тебе!

– Помощь Светы примешь?

– Если она согласится.

– Согласится. Я ей практику зачути и экзамен по вызыванию.

Мне стало смешно. За экзамен любой студент Аrimану душу продаст и дружвантом станет. Я ощущал к незнакомой студентке симпатию.

– Хорошо. Тогда передай ей, что завтра встречаемся на Бастионной горке. В девять, пустыне опаздывает.

– Бастионная, в девять. Отлично.

Горизонт вскипал кремовой дымкой: приближалась земля. Я поворотил ложкой забытое ризотто. Надо же, столько времени прошло, а до сих пор не остывло… Поварская магия, не помню, какая ступень. Заклятие «Горшочек грэй».

– Кстати, – вспомнил я, – сколько с меня за консультацию?

– Нисколько, – вздохнул Людей. – Видишь ли, какое дело… Сто лет назад произошло одно недоразумение. Веденский грандмастер поссорился с кадаврами-перевозчиками «Ксанаду». В результате мы лишились очень удобного вида транспорта. Всех, кто пытался подойти к краю причала, перевозчики испепеляли на месте. Не знаю, чем ты их так поразил, но эти непостижимые ребята сменили гнев на милость. Земля на горизонте – остров их гуру. Уж конечно, я не упущу случая извиниться за своего предшественника. И, – он нарочно повысил голос, глядя на перевозчика, – принести богатые дары.

– Бесценные дары, – отозвался тот сварливо. – И не вздумай откупиться бусами и зеркалами! Наша харонида несколько лет проработала в одном из ваших банков гипсовой девушкой с веслом. Слова «инвестиции» и «обширное кредитование» отныне не являются для нас мистической тайной!

Людей помрачнел. Не всем, оказывается, разговоры с кадаврами приносят счастье…

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ИНТЕРЛЮДИЯ

(*Отдохновение, 17.50,
рассказывает Алексей Озерский*)

Пока я зачищал кухню, в комнате отдыха успела натечь лужа. Ковер скучожился, и края его загнулись внутрь высохшими апельсиновыми корками. Эти фокусы я помню: побежишь – обязательно цепанешься за край. Да и лужа в кислотной зелени не радует. Еще выпрыгнет какая-нибудь зараза.

Стараясь держать лужу в поле зрения, я выглянул в коридор. Темнота выплюнула психо-делическую красно-оранжевую амебу. Я проследил ее траекторию до момента, как она врезалась в стенку, превратившись в плесневелую крысу. Та нырнула под батарею.

Весело. Дэвы шалят, а на всех меня не хватит. Хорош бы я был, сунься просто так... Там наверняка парень с мечом. Его только из подствольника и возьмешь. Еще можно бросить гранату, но их не так много. А гаденыш слишком хорошо знает окрестности.

Жаль, город я упустил. Центр полыхает, туда не сунуться. Река отравлена, дружванты держат мост. Эти твари даже аснатаров не боятся! Но если бы аснатары не путались под ногами, ух бы я зажег! Дэвам бы тошно стало.

Поставив переключатель фонарика на максимум, я стрейфнул в опасный проем. На этот раз сюрпризов не было. Мечник умотал по своим неблагим делам, сдав мне полуразрушенную лестницу и открыв путь к дэвойской молельне. На всякий случай я помаячил в проеме, вызывая огонь на себя.

Никого. А в стене еще и тайник – с двадцатипроцентной аптечкой и двумя винтовочными обоймами! Везет мне сегодня!

Раз так, пора идти дальше. Винтовку на инфракрасный прицел и вниз – по разгромленной лестнице. Косая тень прыгает по ступенькам, цепляя заржавленные прутья арматуры. Стальные искры горят на свежих сколах. На круглой стене возникает силуэт чупакабраса, и я снимаю тварь влет, не задумываясь.

Я – Брави! Жаль, дэвам не выучить моего имени... Я мшу за город! Быть может, меня запомнят те, кого я спасу. Должны запомнить, что я, зря стараюсь?

Везения мне хватило минуты на три. Потом лестница кончилась, и под ногами раскрылась бездна. Когда башню взрывали, ее бок лопнул вдоль, как сосисочная кожура. Серпантин лестницы продолжается метрах в пяти ниже того места, где я стою. Замечательно, правда?! Для дэвов это не проблема: у многих есть крылья. Мне же придется хорошенько подумать, как спускаться.

Я сел на иззубренный край пола и свесил ноги вниз. У подножия башни пульсировало оранжевое сияние и кричали заблудшие души. Там начинался неблагой крематорий.

Лучше туда не падать...

Поводив фонариком по стене, я обнаружил еще один путь. Разорванная арматура свисала, словно клочья паутины, почти касаясь бетонного пятака спецкоридора. От взрыва тонкая скорлупка стены обрушилась. За ней из груды бетонных обломков торчал унитаз.

Совершенно целый. И туалетная бумага сохранилась.

М-да... Юморок у ребят.

Никогда не задумывался о том, что в башнях безмолвия есть туалеты. А также кухни и комнаты отдыха. Но ведь должен же где-то отдыхать персонал? Не все же время они над трупами молитвы читают.

Я встал на сверкающую серебром нить. Мир качнулся, на миг накренившись, и вновь выровнялся. Аттракцион, блин! Сюда бы Светку рыжую, эту сумасшедшую из «Лесного кота». Интересно, прошла бы?

Может, и прошла бы. Она отчаянная, а судьба таких любит.

Подошвы заскользили по арматуре. Идти приходилось «скрадом» – медленнее, но надежнее. После каждого шага «паутина» качалась, и мне приходилось останавливаться, чтобы восстановить равновесие.

На трещины в стене наполз силуэт чупакабраса. Здравствуй, голубчик! Умница ты моя. Стрелять с паутины – верный способ загреметь вниз, в неблагой крематорий. А у меня нет девяти жизней, как у кошки.

Но я знаю один смешной фокус, и он...

В этот момент зазвонил телефон. Я прошипел сквозь зубы проклятие.

Когда до края площадки осталось чуть-чуть, нога соскользнула. Ни на что не надеясь, я прыгнул.

Чуя поживу, чупакабрас метнулся навстречу.

Ну, держись, зверюшка!

Полумрак озарили вспышки выстрелов. Голова твари разлеталась в кровавые брызги, а меня отдачей сбило вниз. Стены башни прыгнули вверх, размазываясь. Их место заняли огненные кишки крематория.

Отточенные прутья арматуры прорвали тело. Камера повернулась вокруг своей оси, показывая оскаленные черепа неблагих аснатаров и герцогов друджа. Твари трудолюбиво маршировали на месте, оскальзываясь в кипящей лаве.

Я стянул с головы наушники и барским жестом поднес трубку к уху.

– Алло, Алексей? – поинтересовалась та охранничим голосом. – Закругляйтесь, пожалуйста. У нас заявочка ваша – написано до шести.

– Не может быть! – бодро отозвался я. – Посмотрите: Ферад Васильевич говорил, есть другая. До полвосьмого.

– Извините. Сейчас поищем.

В трубке клацнуло; охранник полез рыться в заявках. Смешной народ! Ну сидит человек на работе, ну вечером, ну в выходной. Монстров отстреливает. Им-то что?

«Ескейп». Хватит на сегодня. Я сладко потянулся, похрустывая косточками. В менюшке высветилось «Выход в Windows», и программа с идиотской дотошностью осведомилась: «Сохранить текущую игру? (да/нет)». Ага, щас! Я развеселился. Меня убили, я же еще и сохрашаться буду! Спасибо огроменное! Одно прохождение я уже и так запорол.

Откинувшись в кресле, я с наслаждением потер глаза. Правая рука ныла – профессиональная болезнь фрашера. Вот интересно: вроде бы и на гитаре упражняюсь, кисть должна быть разработана, а все равно болит. Наверное, при игре и монстровом расколбасе разные мышцы работают... Или положение пальцев на мышке неестественное.

Хватит на работе киснуть. Впереди отдохновенный вечер, можно завалиться на «Белый маскарад» или в «Башню криков». Наесться от пуз, потанцевать...

С такими благими мыслями я поднял зад из кресла.

Ага, щас! Знаете, когда все идет замечательно, всегда отышется какая-то мерзость, что вознамерится исправить ситуацию. Дверь открылась, и заглянула Мамуля... ну, в смысле, Танька Некатина из корпоративного. Увидев меня, она вскинула выщипанные брови:

– Озерский, и ты здесь? Выходной же!

– А что такое? – Я беззаботно пожал плечами. – На полчасика всего, тесты прогнать.

– Тесты? Понятно, – протянула она с деланным равнодушием. И тут же без паузы выпалила: – Яблоко хочешь?! Лови!

Дура! Я едва ушел стрэйфом. Кувыркнулась на пол кружка с остатками кофе, радугой брызнули компакт-диски. Любой игрок в «Фрашокерети» меня поймет. После трех часов игры рефлексы и не такие чудеса откалывают.

– Озерский, ты чего? – округлила глаза Мамуля. – Простудился?

– Перенервничал. Звонка важного жду, – соврал я. – Сама-то чего на работе?

– А я за неблагие дни отрабатываю, – гордо сообщила она. – Шеф приказал.

Нашла чем хвастаться… От Мамулиной бесхитростности меня передернуло.

– Я, между прочим, сюда из «Лесного кота» приехал.

– Да ну??!

Слишком поздно я понял свою ошибку. Надо было сразу попрощаться и уходить. А так, Мамуля – человек общительный. Подобрав яблоко, она обтерла его о кофточку и подала мне, сама же уселась на краешек стола. Пластиковая столешница скрипуче возмутилась. Танюха у нас тощая, но длинная – метр восемьдесят, а то и больше. Мой стол таких фамильярностей не любит.

– «Лесной кот» – это чего?

– Аттракцион. Знаешь Кошачью гору? Ну, которая возле заповедника. Там тросы натянуты и всякое такое. Платишь десятку, тебе выдают пояс… который для страховки… и вперед! Четыре трассы, зеленая самая простая.

– Об-балдеть! – покачала головой Мамуля. – Озерский, ты ведешь неприлично интересную жизнь. И до сих пор не женился, слышишь, Озерский?

– Не называй меня по фамилии, пожалуйста.

– Извини.

– Ничего. Так вот. Там девчонка была. Рыжая. Она без страховки пошла, представляешь? В глазах Мамули проснулся интерес:

– Сорвалась?

– Угу. В больницу отвезли. Она дзайанка, наверное… выжить после такого.

– Кошмар! Озерский, ты ходишь по лезвию бритвы. Кстати, у меня PDF не открывается.

Может, посмотришь?

Вот. С этого и надо было начинать. Я нехотя поплелся смотреть Танькин PDF. Мамулей Некатину прозвал ее муж, наш бывший программист, еще когда длилась пора ухаживания. От его телефонного: «Мамуля, привет! Заглянешь сегодня банишки?» – работа в офисе прекращалась. Потом мы привыкли, но прозвище прикипело к Таньке навсегда.

Замужняя женщина, торчащая на работе в отдохновенье, – это нонсенс. Но тут совпали неблагие случайности. Танька – единственная женщина на весь «Ай-Ти»-департамент. А шеф наш, Ферад Васильевич – единственный правоверный ясниец⁴ на весь банк. В кабинете у него алтарь с негасимым пламенем, в ящике стола – флакон с освященным дезодорантом «Бычья моча». Однажды администратор сети загасил окурок в кадке с фикусом. Иначе говоря, осквернил первоэлемент земли. Ферад Васильевич прочитал всем ай-тишникам проповедь, а нечестивца уволил. Уборщице пришлось менять землю во всех цветочных горшках.

У них, фанатиков, все с бзиками. Например, когда у женщины «такие» дни, к ним даже прикасаться нельзя. Поэтому Танька каждый месяц несколько дней гуляет, отрабатывая сверхурочно.

Если честно, «Фрашокерети» тоже запрещен. Узнай Ферад, что монитор моего компьютера отображает нечестивые образы дружвантов, а жесткий диск хранит их алгоритмiku – уволит на… Совсем уволит, в общем. Он же чудик! Таньку я не боюсь, не стукнет. Но все равно играю только по выходным и вечерами, когда не надо на репетицию.

---

⁴ Яснеци – государственная религия такая, – аналог нашего зороастризма.

А сейчас пора уматывать. Я выключил компьютер и принялся переобуваться. Настроение немного потеряло солнечность, и неудивительно: перед глазами стояла Светка.

Я ведь ее давно знаю. Помню, как брала у нас интервью – еще когда мы у «Братьев» играли. Вся такая строгочайшая, официальная… Потом мы всей компанией завалились в кафе: Сашка, Катерина, Фархад, я и она. Все меня изводила какими-то колкостями. И кофе джинсы зачем-то облила…

Ну вот чего, скажите, она меня так ненавидит? Дура в кудряшках!

Я накинул куртку, перебросил через плечо ремень сумки и побрел к выходу. Охранник приветливо кивнул, прощаясь. Понятно: для него чем меньше людей на объекте, тем спокойнее. Сам когда-то стоянку охранял, знаю.

А вот и мой «Фольксваген». Ключ в зажигание, пошел! Я вырулил на площадку и остановился. Блин! Ворота заперты – хочешь не хочешь надо вылезать.

Уродливая скоба проржавела от сырости и пачкала руки. В царапинах на асфальте скапливалась вода и мокли желтые тополиные листья. Говорят, женщины различают больше оттенков, чем мужчины. Светка наверняка сказала бы, какого цвета эти листья. Лимонные, цвета пшеницы, канареечные… А волосы у нее вовсе не рыжие – золотистые. Чуть светлее, чем этот лист.

Я вытер руки о джинсы и вернулся к машине. Зеркало отразило мое лицо – вполне симпатичное, но уж больно мальчишечье. Волосы собраны в хвостик, карие удивленные глаза…

Катерина говорит, я очень красивый.

Мамуля тоже.

А вот Светке почему-то не нравлюсь…

Когда машина выезжала за ворота, руль вильнул в сторону. В последний момент я сообразил: не хочу ехать по луже с листьями, что напоминают о ней. Что за сумасшествие?!

Тут надо кое-что объяснить. Дело в том, что я – манар. Вернее, был им еще вчера… это сумасшедшая история, и когда-нибудь я ее расскажу.

В общем, я точно знаю, что со Светкой у нас не сладится. Но все равно почему-то думаю о ней…

Стараясь не глядеть на лужу, я выбрался из машины, чтобы закрыть ворота. И вот тут начались фортели. Едва я задвинул скобу, откуда-то вынырнул Ленька Матрик – словно черт из коробочки.

Знаете Леньку? Он пицарас. Ну, не в том смысле, конечно. Просто он такой… в общем, сами увидите.

Увидев меня, Ленька остановился:

– Авекс? Пхивет, Авекс!!

Он еще и картавит. И «л» проглатывает, но не как японец, а… а как дэв знает кто.

– Ну, здравствуй, – хмуро отозвался я.

– Блин, знобски, что тебя заметив! Мог бы мимо пхобежать! Пвикинь, да?!

– Ну.

Пухлый, круглоголовый, губастый – Ленька похож на пингвина. Если, конечно, бывают буланые пингвины с башкой крест-накрест в пластыре. Пластырь – это что-то новенькое. Кто-то Матрика знатно отметелил.

– Свышь, Авекс, одовжи пагу агеманчиков, – бесхитростно просит он. – Я хвебушка куплю. Очень кушать хочется. Пожавуйста!

Заглядываю Матрику в глаза. Вот ведь натура: искренне верит, что на хлеб. И что отдаст, верит. Пьяницы и наркоманы всегда так, они дети другого мира.

Мягко беру его за подбородок. Поворачиваю голову, как Гамлет череп бедного Йорика:

– Кто ж это тебя так, беднягу?

— Бвя буду, Авекс, не повехиши! У нас бизнес один в подъезде шуствит. Типа бво-кер-хувокер. Меня с ним вэкеты пехепутали! — И жалобно: — У меня свед на животе оставил... От утюга. Бвя буду, дыхища — во! Пхикинь, да?

Он задирает свитер и, сопя, начинает вытягивать из штанов грязный подол рубашки. О господи!.. Мне ж сейчас на его пузо любоваться придется!

— Стоп! Я верю, верю! Слыши, голодающий Аскания, — сообщаю почти ласково. — У меня в машине буханка есть. Хочешь?

— Мне бы агеманчиков...

— Черный с сухофруктами. Элитный хлебушек, соглашайся!

И вот тут он меня убил.

Стал на колени и человеческим голосом молвил:

— Авекс, как человека пхощу. Жена умирает. Ей-богу! Она больная у меня, жена-то!

Это у него «жена-то»?! У приурка малахольного?! От злости я даже не нашелся что сказать. Хлопнул дверцей машины — и мотать. Матрик так и остался на коленях — одинокий, потерянный.

Вот же козел-то! Ненавижу уродов. Чем он ширяется, не знаю, но Сашка всех наших предупреждал, чтобы денег Метрику не давали.

Я притормозил на светофоре, пропуская поток пешеходов.

И с хлебом как по-дурацки... «Подайте алеманчик Ормазда ради! Хлебушка хочется!» За пару алеманов можно мешок хлеба купить. Еще и жену приплел, урод!

Светофор выдал зеленый, и я стронулся с места. Понемногу былая жизнерадостность возвращалась. Я даже похихикать начал, вспоминая самые патетические места.

И тут мое веселье прервало самым неделикатным способом.

Грохнула сталь. Машину подбросило и развернуло; стекла выплеснулись наружу, словно колотый лед из ведра.

Ни х...

Визжа тормозами, на перекрестке закрутился черный «Кайен-Турбо». Дверцу пересекал шрам битого металла.

...рена себе!!

Оборвалась тишина.

Смолкли моторы, растворился белый шум пешеходов, даже воронье в небе притихло, выжиная. В «Кайене» залихватски гремела аскавская попса. Она лишь оттеняла безмолвие улицы.

Дрожащими руками я открыл дверцу. Сердце толчками перегоняло адреналин.

Да-а... Хана «фольку»... Верная лошадка Брави превратилась в бульдога. Похоже, я от Метрика непрухой заразился. Это ему зачтется.

Из «Кайена» помаленьку выбирались люди. Я вновь развеселился: вот повезло так повезло! Это же аскавские варвары! Ну где еще такой цирк увидишь?! Сухонький человечек в синем костюме с бронеблестками, парень в рыжем рыцарском вельвете и красном кашне. Бинты на голове делали его похожим на полураспакованный чупа-чупс. За ними, держась поодаль, выбрался жирдяй с печальным лицом. Охранник, наверное. Только рыхлый он какой-то.

— Так, — надменным голосом объявил человечек в костюме. — Авария, значит... Надо платить.

Я хрюкнул, не в силах справиться с бурлящей в жилах жизнерадостностью. Впилиться в машину варваров — это везение. Почище, чем трубочиста встретить! Они же из Аскава своего почти не вылезают. Будет о чем завтра порассказать.

— Ну? — горестным тоном протянул жирдяй. — Лыбиться будем? И долго?

— Да хоть всю жизнь.

Это жирдяя добило.

– Бабло гони, урод! – взорвался тот. – Попал ты на алеманы нехилые!

– Ой, хватит меня пугать, – поморщился я. – Вы же на красный ехали. Проскочить хотели небось!

– Пацан борзый, – повернулся жирдяй к сухопарому. – Выкормыш мажий. Объясни ему, Валерыч. Только ласково, не калечь.

Человечек в костюме деликатно обнял меня за плечи.

– Ну, что ты бычишь, паря? – задушевно начал он. – Жить остохрамело? Думаешь, мы свидетелей не найдем? Найдем. Мы ж тебя на такие алеманы загнем, что… что… Сам не рад будешь, в общем.

Ну да, ну да… Варвары из Аскава – ребята безбашенные. В багажнике двуручники валяются, у каждого на родине по замку со скелетами в подвале. Вот только я – гражданин Ведена, и это звучит гордо!

– Руку убери, – посоветовал я. – С реверансами и извинениями.

– Чего-о-о? Зубы жмут, пацан?

Борт моей машины рванулся к лицу. Полыхнули искры, по щеке скатилась теплая струйка.

Такого я не ожидал:

– Ах ты, сволочь!!

Вывернулся из-под руки, ткнул кулаком. Попал, ура! От неожиданности сухопарый выпустил волосы. Развивая успех, я врезал ему в колено.

– Эй, он дерется! – донесся до меня обиженный крик.

Тут я допустил ошибку. Вместо того чтобы вмазать ему хорошенко, полез в багажник за битой. А зря. Нога сухопарого врезалась мне в живот. Я кувыркнулся через капот, на ходу вспоминая, как дышать. Что сперва, интересно, вдох или выдох? А если выдох, то чем?

Зловещая тень накрыла асфальт. Аскавец пер на меня, растопырив лапищи. Рожа у него была злющая-презлющая, словно у бульдога в вегетарианском ресторане.

Так, Брави. Пора вставать. Нет, можно, конечно, повалиться, а завтра на работу не идти. Но, елки-палки, компьютера ж в больнице нет! Я там со скуки помру. Особенно если медсестер красивых не будет.

И тут…

– Именем господа, – услышал я повелительный голос, – остановитесь, дети мои. Кровопролития неугодны Ормазду!

К нам семенил монах в рясе аснатара. Завязки кушти неряшливо болтались, холщовый мешок свисал на бок… Лямки надо регулировать, святой отец. Я такие рюкзаки знаю: ужасно неудобная конструкция.

При виде его сухопарый недоуменно вскинул брови:

– Че?..

– Путем друджа идешь, сын мой? – с затаенной надеждой поинтересовался аснатар.

– Че?..

Все-таки варвары – тупые ребята… У нас в конторе только и разговоров, что об отмене инквизиции. Последнего друджванта аснатары лет две с половиной как уговорили. А оно нам надо – инквизицию просто так содержать? Друджванты – их последняя надежда.

– Слыши, Ясна, – предложил забинтованный без особого энтузиазма. – Шел бы своей дорогой, а? Без тебя тошно.

– Ну как же я уйду? – удивился тот. – Я уйду, а вы души бессмертные погубите. Не-ет! Знаю я эти фокусы.

– Ну, батя, тогда жди благих терок.

Я сел поудобнее, устраиваясь с комфортом. Захрустело стекло; вокруг машины собиралась толпа благодарных зрителей.

Откуда-то появился мальчишка лет тринадцати – в драных джинсах, черной рубашке с закатанными рукавами. Парень словно вынырнул из лета. На загорелой коже – царапины, волосы выцвели, за спиной деревянный меч.

– Крепко он тебя приложил. – Мальчишка опустился на корточки рядом со мной. – Надо было по яйцам дать.

– Не успел. – Я с гордостью вытер кровь, капающую из носа. – Он без предупреждения напал. Аскавец, блин!

– Ниче. Иштван им вломит.

Я покачал головой. Пока что-то не очень на то походило. Бандиты орали на монаха; тот кротко втикал о Ясне, борьбе добра со злом.

– Слыши, пацан, – приказал мне жирдяй, не оборачиваясь. – Чтоб никуда не шел. Со святым батей добазарим, тобой займемся!

Синий достал пистолет и покачал стволом перед лицом монаха:

– Церковь, отче, отделена от государства. Благие понятия, благой базар, благие терки – это все в задницу засунь. Доступно излагаю?

– Более чем, сын мой.

Не переставая улыбаться, аснатар хлопнул охранника по запястью – будничным, деловитым движением. От хруста костей меня передернуло. Охранник побелел и осел на землю.

Взмах, удар! Монах ринулся на варваров. Те не приняли боя и сразу побежали к машине. Взревел мотор. Аскавцы втащили раненого охранника в салон и газанули прочь.

– Ну вот, теперь все в порядке, – важно кивнул мальчишка. Вид у него был, словно это он все устроил.

Тут у меня глаза полезли на лоб. Мальчишка отошел на несколько шагов и исчез! Взял и исчез! На том месте, где он стоял, прокисшим тестом вспухли пряди плесени. Я потер глаза рукой.

Показалось?! Так ведь был мальчик, был! Мамой клянусь! Монах стоял посреди дороги, озадаченно косясь на плесень.

– Что, сбежал отрок неблагой?

– Сбежал, – машинально ответил я. Ощущение чужой тайны – теплое, щекочущее и невыразимо приятное накатило на меня. Ну и денек сегодня выдался!

Монах смотрел на меня с ожиданием. Опомнившись, я неловко опустился на одно колено:

– Спасибо вам, святой отец, выручили. С этой сволочью…

– Вот и отлично, паства, – перебил инквизитор. И поинтересовался: – Как машина? Побита?

– Не очень. Чинить придется, а так на ходу.

– Славно! – оживился тот. – Благостно сие и велелепно. А скажи, сыне… – Взгляд аснатара затуманился: – Обрадуешься ли помочь святой нашей матери-церкви? Ну так, чисто по-родственному?

– По-родственному? – удивился я. – В смысле?

– Ты по существу отвечай, паства. Без мумления неблагого.

– Так это смотря в чем.

– Резонно. Мне, сыне, в Болотноселье нужно, по надобностям высокодуховным. И тебя это тоже касается. Вникаешь?

Я вникал. Варвары, дружванты, мальчишка, расползшийся горкой плесени… Наверное, так чувствует себя мотылек, перед которым вспыхнула соблазнительная газовая конфорка тайны.

– Ладно, отче. Только помогите стекла вымести.

Монаха звали Иштваном. Всю дорогу я искоса поглядывал на него. Мне казалось, что, стоит отвернуться, он превратится во что-нибудь... такое, странное. Отрастит нос на пол-лица или уши остроконечные. Я не сумасшедший, просто иногда так хочется чуда! Не все же жить скучной, приятной и спокойной до отвращения жизнью.

А вдруг действительно в Ведене дружванты завелись? И этот их ловит?! Вот бы хоть глазком глянуть!.. Говорят, дружвант может кем угодно обернуться. Живет, скажем, обычный человек... или там сенбернар, или рыбка в аквариуме. А на самом деле – не рыбка это, а пираты-дружванты, воплощение зла. Отвернешься, а тебе зубами в горло!

– Сюда, пожалуйста, – меланхолично приказал монах, – заезжай и сразу налево. Сейчас покажу, где машину поставить.

Служка-аберетар распахнул ворота. Мы въехали во двор и свернули на площадку. Иштван обменялся с аберарапом несколькими фразами.

– Теперь пойдем, – повернулся он ко мне. – Его преосвященство, хаванан Никодим Кей-Кобад хочет с тобой поговорить.

Сам хаванан?! Высший глава веденских церковников?! Чего-то примерно такого я и ожидал, но все равно растерялся:

– Зачем это? Мы же...

– Зачем – это уж он сам скажет.

Намеренно или случайно, монах стал так, чтобы заградить дорогу обратно. Служки смотрели на меня сочувственно, пряча глаза.

– А если я не захочу?

Иштван посмотрел на меня с интересом:

– Ты никак душу погубить жаждешь? Или к матери-церкви того... без почтения должного? Ты только скажи, паства.

Аснатары придвигнулись. Я посмотрел на их рожи и покорно зашлепал следом за аснатаром.

В Ведене много Домов Огня. Болотносельский из них считается лучшим. И святость тут особенная, и аша прет по самое не могу, и монахи благостные – не в пример Южной Огневице, где молится новое поколение.

Вообще-то пи... (молчок! в святом храме нельзя!) уродов из нового поколения я тоже не люблю. Но здесь действительно хорошо. Вон боль в разбитом носу прошла, даже, кажется, ссадина затянулась. И ребра не ноют.

Интересно, мне через пару дней к зубному... Может, и дырка того?.. Вот здорово было бы!

Мы вышли в храмовый коридор. Я сориентировался: по левой стороне фрески изображали Аримана, сволочию всячую, дружвантов, а справа – святых, травки, огоньки. Слева – еретик и лжепророк Ницше (который «Так отжигал Заратустра» сочинил), а справа – ашо Бахрам, святой. Этому Бахраму, если честно, я бы горшок с геранью не доверил. Рожа у парня, словно тот триста лет запором страдает.

Иштвану я, конечно, ничего такого не сказал. Чего хорошего человека зря обижать? Он же не виноват, что тупой фанатик и мракобес. Тем более мы уже пришли. Иштван отправился в покой хаванана докладывать, а я остался скучать на диванчике.

Скучать пришлось недолго. Мобильник выдал трель из «God of Absolute Evil», и отовсюду попкорном повыскакивали обозленные физиономии аберарапов. Гос-споди! Кажется, я оскорбил чувства верующих. Ну что за жизнь такая!

Чтобы не нервировать бедолаг, я поспешно поднес телефон к уху.

– Алло?

– Ауво? Авекс?!

Кажется, я снова чего-то оскорбил... В храме божьем матом не разговаривают.

– Откуда у тебя мой номер, придурок?

– Не свись, Авекс! – В голосе Метрика переливалась вся гамма раскаяния. – Дево есть.

На миввион дево!

– Ну?

– Мне деньги нужны... да постой ты! Сехъезно! Я гитаху пходаю!

– Гитару? – сердце радостно ухнуло в груди. – Какую?

– Мою. Ибанез. Пятьсот семидесятый!

– Да ты что?! И за сколько?!

– Двести тхидцать.

Я осторожно укусил себя за руку. Вроде нет, не сплю. «Ibanez RG 570». За двести тридцать. Не сплю. Больно. Ага.

– Ну так что? Бехешь?

– Посмотреть надо, – с деланным равнодушием отозвался я, молясь, чтобы сердце не устроило счастливый пляс на полу. – Струны потрогать, всякое такое.

– Само собой. Ты завтха можешь подъехать?

– К тебе? Давай на вокзале встретимся. Чего там!

На вокзале Ленька не хотел. Договорились сбодаться возле «Велотрека» на Свободе.

Выключив телефон, я обнаружил, что Иштван уже вышел и ждет, пока я закончу разговор.

– Вставай, сыне, – объявил он с забавной торжественностью. – Его преосвященство ожидает тебя.

Охренеть! Я пожал плечами и вытащил зад из кресла.

Нет, положительно, день сегодня удался!

От обилия огня в покоях хаванана пришлось зажмуриться. Маслянистое пламя качалось над серебряными треножниками. Крылатые быки держали чаши, наполненные «чистым» огнем; под потолком плясали золотистые облачка, похожие на бикини Люси Ли. Летом тут, наверное, ад кромешный. Хотя нет, вряд ли. Вон, я слышу, кондиционер пожужживает. И вообще, кабинет обставляли щегольски, с любовью. Шкафы красного дерева, стол на витых дулечках, автоматические кресла на колесиках – тоже под дерево. У окна кровать – простенькая, но удобная. Матрас тонкий, подушки нет, покрывало поблескивает золотыми спиральками. На столе ноутбук, в нише – телевизор и DVD-проигрыватель. А патриарх у нас ничего, прогрессивный. Интересно, у него аська есть? Вот бы сконкектиться!

Я вздрогнул.

Хаванан возник передо мной совершенно бесшумно; вынырнул из тьмы веков, древний и таинственный, не похожий ни на ратвишкар Достоевского, ни на хаванана Ришелье из «Трех мушкетеров». Невысокого роста, худой, словно высохший. Волосы белые, ломкие, неживые. Глаза смотрят в далекую даль – будто хаванан слеп от рождения. Алая ряса выцвела от времени, и сам он размыт светом и огнем.

– Здравствуйте, – неловко поклонился я.

– Благой путь, сын мой. – Священник ожил; так оживает ящерка, на которую упали солнечные лучи. – Присаживайся, где тебе удобнее.

У меня возникло искушение плюхнуться на пол. Или на кровать хаванана, тоже неплохо. Но – проклятое воспитание! – я пододвинул кресло на колесиках и устроился в нем. Сиденье едва заметно сместилось, уютно принимая в свои объятия мой зад.

– Ты программист? – поинтересовался патриарх.

– Да, ваше преосвященство.

– Зови меня отцом Никодимом. Я вижу, ты чувствуешь некоторое стеснение.

– Ну… есть немножко, – храбро признался я.

– А между тем, сыне, разница между нами не так велика. Ты хотел сесть на пол, но почему-то устроился в кресле. Моя спина желает, чтобы я принимал посетителей лежа, а приходится сидеть. Мы оба рабы приличий.

У меня словно памятник Пушкину с сердца упал. Нет, все-таки наш хаванан – замечательный дядька!

– Брат Иштван рассказывал, будто ты попал в аварию.

– Ага. Козлы одни подрезали. Они…

– Не надо, сыне, я все знаю. Аберетары починят твою машину. Пока же прошу принять мое гостеприимство. Кофе, чай? Вино?

Когда священник предлагает выпить или курнуть травки, отказываться дружж. Это древняя традиция, еще с тех времен, когда рыцари-крылоносцы отвоевывали Святую землю и огненные храмы Персии у мусульман.

Но во мне заиграли комплексы:

– Вообще-то я за рулем.

– Пустое… Попрошу секретаря, чтобы отвез тебя.

Отец Никодим вызвал служку и распорядился о винах и закусках. Я разился и устроился на ковре. Чего стесняться-то?! Хаванан подсел рядом.

– Вижу, ты не можешь понять, зачем вызвали тебя, – вкрадчиво начал он. – А дело между тем серьезное. Брат Иштван…

Тут ему пришлось прерваться: появился служка, принес еду. Миска с рубленой зеленью, три тарелочки с разными видами сыра, плетеная корзинка с лепешками, соусы и кувшин трапезного вина.

Отец Никодим разлил вино по глиняным чашкам. Пододвинул ко мне тарелочку с сырором.

– Угощайся.

Служка поклонился и исчез. Я с жадностью отломил кусок горячей лепешки. Вкуснотища! Только сейчас вспомнил, что с самого утра ничего не ел.

– Все это очень неприятно, сын мой, – с самым обыденным видом сообщил хаванан. – Знаешь, брат Иштван объявил тебя дружвантом.

– Дружвантом?! – Кусок застрял в горле.

– Да. По спине похлопать? Сейчас пройдет, сын. Он вообще-то тебя хотел на месте убить, но его смущил пустяк. Божьего благословения не было.

Машинально, не чувствуя вкуса, я отпил из чашки. Помогло. Во мне словно рассыпались невидимые якоря, державшие предметы. Стол, медные быки, шкафы – все заиграло, задышало жизнью. Комната весело затанцевала.

Оба-на! Я – дружванант, значит. Рогатая трехметровая скотина из «Фрашокерети»! Охренеть!

– И что теперь?

Хаванан свернул лепешку в трубочку и обмакнул в соус. Рука его остановилась в задумчивости. Капли соуса скатывались на ковер, застывая крохотными изумрудиками; пламя играло в них, как огонь свечей в наврузовых игрушках.

– В Средневековье тебя отправили бы на костер. Да, это выход, пожалуй… – Он тяжело вздохнул, словно его лишили непередаваемого удовольствия: – Но нет, не получится… Резонанс в прессе, то-се… Может, тебя в подвале сгноить?

– Эй, эй! – встревожился я. – Полегче!

– Вот я и думаю, – задумчиво продолжил хаванан. – Похоже, единственный выход – обряд границы.

– Что еще за обряд?

– Наша церковная магия. Она растормошит твою внутреннюю суть. Два дня ты будешь творить благие дела. Затем два дня всякую мерзость. После этого брат Иштван даст тебе задание, которое придется выполнить, хочешь ты этого или не хочешь. Тогда станет ясно, кто ты: друджвант или обычный человек.

– А это… ну, с благими делами туда-сюда. Понятно. А со злыми? Я что же – и убивать буду?

Хаванан сгорбился. Лицо у него сделалось старым и мудрым:

– Все может быть… Это опасный обряд.

Ни фига себе! И тут я понял. Хаванан – он действительно правильный. У него спина болит, а он сидит и со мной беседует. Потому что положено. И с обрядом – ведь наверняка проще сделать, чтобы я пропал! Хотя нет, не проще… Если все, кто аснатарам не нравится, пропадать начнут, бардак наступит.

В общем, я хаванана сильно зауважал в этот момент.

А когда начнется злое время, я просто дома засяду. Закуплю еды побольше, перестану на улицу выходить. И очень даже просто. Так что живем!

Отец Никодим проницательно усмехнулся:

– Отсидеться тебе не удастся. Магия границы жестока: если ты не дашь ей реализоваться, она выплеснется наружу сама. И кто знает, что хуже.

Вот так вот.

Размечтался.

Не чувствуя вкуса, я допил вино. Иштван уже ждал у дверей. Убедившись, что я в курсе событий, он достал из кармана костяной шарик.

– Это, сынок, глаз Вайю. Он защитит тебя во время обряда. И постарайся, чтобы он не попал в руки дзайанов. – В голосе его промелькнуло сочувствие: – Да ты нос не вешай, паства! В случае чего – умрешь быстро и безболезненно. Заочешь – так под наркозом, но это отдельные деньги. У тебя на анестезию аллергии нет?

– Не надо анестезии, – хмуро ответил я. – Потом голова тяжелая, да и для здоровья вредно.

Машину аберетары починили на славу. Служка-секретарь, которому предстояло довезти меня до дома, обращался со мной трепетно, как с наследным принцем. В торжественном молчании мы подъехали к моей родной девятиэтажке. У подъезда произошла забавная сцена – служка все порывался припасть к руке и испросить благословения.

Я остановился у газона, собираясь с мыслями. Как быстро свалилась ночь… В небе широкое лезвие луны рвет облачные пряди. Шторы в окнах светятся уютом; сквозь щели пробиваются белые вспышки.

Телевизор смотрят, наверное…

Я прислушался: шли старые добрые «Три мушкетера». Терехова и Клюев распевали песенку о Ришелье:

Хаванан был влюблен
В госпожу Д'Огильон,
Повезло и ему…
Откопать шампиньон.

Долго стоять не получилось: вечерняя сырость лезла под куртку. Я поежился. Ладно, пойду домой. Голема-уборщика растолкать, одежду в стиралку сунуть. Завтра ведь на работу.

А представляю, мелькнула злорадная мысль, какой кондратий хватил бы Ферада, узнай он, с кем я разговаривал!

Жаль, что он не узнает. По крайней мере от меня.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*(Отдохновение, раннее утро,
часов за двенадцать до описанных событий,
рассказывает Игорь Колесничий)*

Ночной дождь вымыл осенние улицы до блеска, а сам растаял дэвовым наваждением. Наступило отдыхновение, и в небе вновь засияло солнце.

Наслаждаясь тишиной и покоем утра, я отправился в парк. По серпантину взобрался на пятачок обзорного бастиона и уселся на скамейке под рыжими кленами. Старый Веден отсюда как на ладони. У меня есть полчаса, так что гостью-дзайану я увижу раньше, чем она меня.

Чтобы не скучать, я развернул газету и углубился в чтение.

«Чудеса градостроительства опозорили Ночмарию

Скандалом закончилась в Ночмарии установка статуи Предвечной жутти. События, последовавшие за открытием памятника, повергли в шок многочисленных зрителей.

«Мы, конечно, ожидали чего угодно, но такого невыносимого позора предвидеть не могли», – сообщил нашему корреспонденту Василисе Карфагенян nochmarский мэр Николай Оганесович Сфератов.

Напомним подробности: в начале прошлого года был объявлен конкурс на монумент, наиболее точно выражавший дух Ночмании. Конкурс выиграл никому не известный скульптор Рацацели. По скромному признанию автора, образ, вдохновивший его на творчество, явился ваятелю во сне, назвавшись Негуляй-послезакатлем – ацтекским богом ужаса и одинокой молодости.

Каково же было разочарование горожан, когда группа экспертов установила жуткую истину. Самозванец оказался богом Ути-путли – покровителем ацтекских дошкольных учреждений.

«Нас обмануло выражение его лица», – оправдывались потом члены комиссии по благоустройству города».

Мельчают новости, подумалось мне. В мире, где вот уже сотню лет не было войн, а преступность почти на нуле, быть журналистом не самая простая и доходная профессия на свете. Я перелистал газету, просматривая объявления. Ничего интересного не нашлось. Какой-то дзайан Тепех предлагал свои услуги. «Сpirитический пересмотр завещания, общение с окончательно недоступными родственниками, временное супружество с урезанными правами, неограниченное продление пенсионных льгот и выплат». Бредятина какая-то…

– Здрасте, – услышал я жизнерадостный девичий голос. – Сидите-скучаете, да? А я вас разыскиваю, между прочим!

Я оторвал взгляд от газеты. Никого. Парочка тинейджеров сосредоточенно тискается на парапете, старушка конвоирует лупоглазое чадо в шерстяной шапке с рожками, да студент-ботаник завтракает гамбургером и пивом.

В траве под ногами зашуршало. На скамейку прыгнула рыжая кошка и принялась умываться. Я заметил в палой листве клетчатый зеленый зонтик и кожаный рюкзачок.

– Вы – Света? – спросил я у кошки. – Если не трудно, пожалуйста, примите человеческий облик.

– Легко!

– Спасибо.

Кошка разлетелась ворохом цветных искр. Я с интересом пригляделся к материализованной дзайане.

На вид ей лет двадцать. Стойненькая подтянутая девушка в рыжем пальто. Черты лица тонкие, аристократичные. Прическа примечательная – копна золотистых кучеряшек. И энергии через край: умудряется подпрыгивать, даже сидя на скамейке.

– Светлана Литницкая к вашим услугам! – выпалила она. – Знаток дзайанов, кровавая ведьма-оборотень, ужас ночного Ведена!

– Очень приятно. Игорь Колесничий.

– А я вас сразу вычислила! У нас, безжалостных фурий, это легко.

– Безжалостных фурий?

Наши глаза встретились. Света отчего-то смущилась, отвела взгляд.

– Извините. Я со вчерашнего взвинченная. Поцапалась кое с кем…

– С дзайаном?

– Нет. Так, парень один знакомый, программист… А я – дура набитая!

– Понятно. С кем не бывает!

Ох, я и сморозил!.. Светины зрачки по-кошачьи вытянулись; следовало быстро спасать ситуацию.

– Извините, – улыбнулся я. – У меня вчера тоже был тяжелый день. Ваш родственник брякнул мне на стол дохлую курицу.

– Да вы что?!? Расскажите!

Света придвигнулась поближе, и я начал врать. Ну, не совсем врать – так, излагать сухие четкие факты в художественной версии. Светино присутствие действовало на меня вдохновляюще.

– …и жить ему, говорит, осталось всего сутки, – подытожил я. – Если не приедем сейчас, завтра найдем хладный труп, объеденный чупакабрами.

– Обалдеть! – Девушка с восхищением завертела головой. – Я ведь старика Серафимыча знаю. Он с тараканами, но не думала, что настолько чароватыми.

– Так вы… послушайте, Света, давайте на «ты»? Нам дело расследовать, лишние церемонии ни к чему.

– Согласна. Мы, безумные оборотни и фурии, всегда «за».

– Отлично. Значит, отправляемся в «Светоч»!

Билеты мы купили с замечательной легкостью. Электричка неслась сквозь пылающий багрянцем лес в царство сосен и садовых участков. Жизнерадостно постукивали колеса, отбивая ритм пути. В приоткрытое окно тянуло осенней прохладцей и смолистым запахом леса.

Скоро поезд замедлил ход, и бабки-огородницы потянулись к тамбуру. Под протяжную песню колес выплыла клумба с чахлыми георгинами. Зеленая будка гордо несла вывеску «Светоч»; к ней прилепился шатер «МС-блинчика» – последний рубеж цивилизации.

Мы спрыгнули на оплывший асфальт перрона, а электричка, свистнув, покатила дальше. Шулер-ветерrossыпью швырнул под ноги тузы: трефы-каштаны, березы-пики, бубны-тополя…

– Хорошо как, – огляделся я. – И всего в каких-то двадцати минутах от города!

– Ага. Здесь поселение манаров. Только ты молчок, хорошо?.. Они не любят, когда о них языком треплют.

От перрона в лес убегала усыпанная хвоей дорожка. Огородницы шумной гурьбой замаршировали по ней, мы двинулись следом.

– Странно, – сказала Света через некоторое время, когда вокруг замелькали живые изгороди из жимолости и алычи. – Где же Викуха?

– Кто?

– Дворняга Бенина. Всегда меня за версту чуяла, а тут молчок. Вон уже избушка наша, а ее все нет…

Мы подошли к сетчатому забору, выкрашенному в камуфляжно-зеленый цвет. Калитка неприятно отсвечивала черным, отчего я насторожился.

– Вениамин здесь живет? Понятно. Ты это... калитку не трогай, окрашено.

– Ой! – Света запоздало отдернула руку. На ладони насмешливо расплылись черные полосы. Возмущенно пискнув, дзайана достала носовой платок и принялась оттирать краску.

Из домика так до сих пор никто и не вышел.

Я нагнулся к калитке, чтобы осмотреть сетку.

– Эге, – проворчал я себе под нос. – Похоже, у Вениамина недавно умерла жена.

Дзайана посмотрела на меня с восхищением:

– Неделю назад. Он, что, тебе рассказывал?

– Нет, но... – Я забрал у Светы изгаженный платок, обернул черный прут и подергал. – Но забор ухожен, петли смазаны, грядки по линеечке. А калитку вчера красили водоэмульсионкой. Знаешь, перед тем, как соваться с кисточкой, краску перемешать надо. Тот, кто красил, собрал всю олифу сверху и размазал по прутьям. Значит, никогда этим раньше не занимался.

Восхищение в Светкином взгляде зашкаливало все мыслимые границы:

– Здорово! Круче Шерлока Холмса!

– Стaremosя. – Придав себе скромный вид, я распахнул калитку. – Прошу, сударыня!

Мы двинулись к садовому домику. Поникшие хризантемы качались нам вслед, стряхивая с растрепанных лепестков росу. Пахло яблоками и разрытой сухой землей. В компостной яме зеленела изломанная кабачковая ботва.

Взявшись за ручку двери, Света в нерешительности остановилась.

– Все-таки странно... Куда же Викуха запропастилась? Вон ее ошейник лежит...

Действительно странно! Сердце подсказывало мне, что дело неладно. Да и сгустившаяся над участком тишина начала действовать на нервы.

– Подожди здесь, – я отстранил свою спутницу, – я пойду первым.

– Нет, я!

Но было поздно: я уже взялся за ручку. Дверь широко распахнулась, впуская нас в обиталище дзайана.

В домике стоял тот особенный удивительный дух, что накапливается в местах, где живут старики. Вонь лекарств и старой ветоши, ароматы сушеных трав и древней пыли. Спроси меня, как пахнет время, я не колеблясь назвал бы этот запах.

Сама обстановка располагала к поиску кладов. Круглый оловянный бок печки, газовая плита, заставленная высокобленными до царапин алюминиевыми кастрюлями. Стол у окна, заваленный тряпьем диван, древний шкаф. Шкаф заполняли подшивки журналов прошлого тысячелетия, ветхие книги, пустые лекарственные пузырьки в липких потеках.

На полу свивались длинные пряди тонких волос. Если присмотреться, становилось ясно, что шерстью усыпано все: плита, подоконник, шкаф. Собаку здесь вычесывали, что ли?..

Я присел на корточки и коснулся одной пряди. Та растаяла прямо в пальцах, оставив после себя поблескивающую слизь.

– Ну что? Что там?! – приплясывала от нетерпения Света.

– Плесень. – Я вытер руки о штаны. – Следы искать бесполезно: она скоро исчезнет.

Куча тряпья на диване заворочалась, застонала. Мы бросились к ней:

– Деда! Ты?!

– Вениамин Серафимович?!

Куча отозвалась протяжным вздохом, сделавшим бы честь самому Кентервильскому призидению. Неудивительно, что я принял старика за тряпье... Со дня нашей встречи для меня прошел день. Для Вениамина – лет двадцать. Удивительно, как он вообще протянул до нашего появления.

– Дед Вень, что случилось?!

От одежды огородника несло заброшенным подвалом. Полуоторванный воротник завернулся, обнажая серповидную рану на старческой груди. Края ее успели набухнуть и почернеть. От раны во все стороны расплывалось багровое пятно.

Так, так... Непостижимый и загадочный зверь чупакабрас побывал здесь раньше нас. Я почувствовал, как меня охватило веселое возбуждение, означавшее, что я встал на след.

– Света, водички, – приказал я. – И быстренько!

Та опрометью бросилась к плите. Загремели, ссыпаясь со стола, кастрюли. Пластиковый стаканчик в ее пальцах смялся, выплескивая колу на мои джинсы; ткань сразу же прилипла к телу.

Пить Вениамин Серафимович оказался не в состоянии. Я поддерживал ему голову, а Света тыкала в губы пластиковым стаканчиком, бестолково разливая питье. Руки ее дрожали. Я отобрал стакан и принялся поить старика сам.

– Звери... – прошелестел тихий голос. – Звери из тени...

– Подушку! – решительно приказал я Свете. – Одеял!

Подушка скоро нашлась: она завалилась в щель между диваном и стеной. Я устроил старика поудобнее, укутал несколькими одеялами. Его колотила дрожь, несмотря на то что печка еще не успела остыть.

– А теперь вызывай «Скорую», милая. И побыстрее.

Света кивнула и отчаянным жестом, словно делая харакири, рванула застежку рюкзачка. На стол полетели книги, косметичка, трамвайные билеты, ручки, разномастные фломастеры. Отыскав мобильник и крохотный бубен, девушка бросилась вон из домика.

– Викуху съели... – прошептал старик. – Игорь, на вас надежда... Таблеточка... в кармашке...

Я деловито приступил к мародерству. В кармане старого дзайана нашлась лишь измочаленная пачка валидола. Увидев ее, Литницкий страдальчески прикрыл глаза. Ладно, попробуем еще. Ага. Квитанция, сложенный вчетверо тетрадный лист, пергаментный пакетик. В нем – что-то круглое, белое.

Таблетку пришлось размочить в коле. Умеют же устроиться господа маги! На серой коже умирающего вспыхнул румянец. Глаза заблестели, морщины разгладились – дзайан выглядел свежим и цветущим, как манго на ветке! Я с восхищением покрутил головой.

С улицы доносились шаманские завывания и грохот бубна.

– «Скорая» сейчас будет, – отрапортовала Светка, заглядывая в дверь. – Я ее по школе вызывания хастнула! У меня девятый уровень!

И укоризненно посмотрела на старика:

– Ну что, дед Вень, допрыгался?! А ведь говорила тебе!

– Прости, внучка, дурака старого!.. – пробормотал тот. – Отныне буду тебя слушать.

– Ладно, – смягчилась та. – Листы при тебе?

– В бумажнике... Остальные у Марченко...

– У Алексея Петровича? – уточнила девушка. В глазах ее горел азарт охоты.

Старик дернулся:

– Внучка! Все отдам, только спаси!

«Вениамин – глава рода, – вспомнилось мне кстати. – Присвоил белые листы дома Литницких...»

Так-так-так... Разрешения на поводки, фактически монополия на силу и чудеса... А девчонка молодец! Не так проста, как могло бы показаться!

Света зыркнула на меня разозленной кошкой. Ладно, решил я, у моей замечательной спутницы дела родственные, семейные, чужим встречать не след.

– Пойду, гляну, не приехала ли «Скорая», – сообщил я деликатно, выходя из домика.

Естественно, далеко уходить я не собирался. Настало время со вкусом расположиться под окнами и подслушать милую семейную воркотню. К сожалению, судьба распорядилась иначе. У калитки мне повстречались две старушки – высокая в выцветшей сиреневой кофте, и низенькая в телогрейке и платке цвета хаки. Мрачно смоля сигарету, низенькая разглядывала изгаженные олифой прутья.

– Здрасьте, – с энтузиазмом объявила она, едва меня завидев. – Ты, что ли, Светкин хахаль будешь?

– Уймись, Верунь, – прогудела высокая укоризненно, – нонеча не хахаль говорят, а бой-френд.

– Ничего не знаю. Хренд, редька там… Девчонка ревмя ревет, а он…

– Детектив Колесничий, – с обезоруживающей улыбкой достал я удостоверение. – У меня к вам несколько вопросов, сударыни. Найдется пара минут?

– Детектив? – впечатлялись гости. – Ах ты ж господи, Ормазд преблагой! Это с милиции што ль?!

– Ну, вроде того, прекрасные госпожи. Только это сейчас неважно.

Не прошло и нескольких минут, как мы с почтенными матриархиями болтали, словно закадычные подружки. Из их слов выяснилось много важного и интересного.

Как оказалось, я не первый посоветовал старому дзайану обратиться к аснатарам. Визит священника спланировали давно. Вот только Вениамин Серафимович безбожно с этим тянул. Старушки и так его уговаривали, и сяк – все впустую. Лишь вчера он решился и приехал на огород с аснатаром.

Священник старушечьему конгрессу не понравился. Не святой какой-то! Жилистый, сухощавый, круглоголовый… Сам плюгавенький, а выпрявка военная и «в груди крутая сажень», – как выразилась высокая. В общем, не инквизитор – бывший боксер.

Дело, впрочем, боксер-инквизитор знал. Запалил священные огни, споро и с молитовкой очистил первоэлементы. Интересный факт: когда отец Иштван кропил святым огнем курятник, птицы орали, словно резаные. Даже словно бы какое-то адское ржание из-под земли доносилось. Не иначе знак благой. Не по нутру дэвам святость аснатарова.

А вот дальше пошла ерунда. На бесплатное представление собрались местные мальчишки. И ладно бы просто глазели! Святому отцу не мешают, так и Вениамин Серафимович помалкивает. Терпит, значит, с молитовкой благостной. Только вот один паренек – вроде скрипача, со шпажкой деревянною – возьми да кувыркнись с забора. Прямо в любимую мушмуллу покойной.

Тут уж стариk не выдержал. Такое началось, хоть святых ашаванов выноси! Аснатар орет, пацанва орет, малец брыкается, чисто кот помоечный. И всего-то ему уши надрали, скажите! Велика важность.

– …Простите, простите, – перебил я. – Мальчишку как звали?

– А дэв его знает… Артемом вроде. Вот Димка должен помнить. – Низенькая со значением посмотрела на меня: – Сосед Светкин по площадке. Дальше рассказывать?

– Сударыня, – проникновенно объявил я, – умоляю, не упускайте ничего! Я весь внимание.

…Дальше ничего особенного не произошло. Проводив аснатара, Вениамин Серафимович решил заночевать на даче. Бедная собачка Викуха, узнав, что придется провести ночь в дэвятнике, затосковала. Видимо, тосковала она правильно, потому что утром Вениамин ее не нашел. А потом и сам устал, заперся в домике и отказался кого-либо пускать.

Больше старушки ничего толкового не рассказали. А вскоре мне стало не до болтовни: подъехала «Скорая», и у нас появились другие дела.

Стукнула дверца машины. Света с готовностью придержала калитку; врач учтиво поклонился ей и зашагал к дому – коренастый, добродушный, в квадратных очках. С первого взгляда

на него становилось ясно, что теперь судьба Вениамина в надежных руках. Следом семенила фельдшерица лет двадцати, крашеная блондинка с робким болоночным лицом.

Войдя в комнату, врач окинул старика благодушным взглядом и обернулся к фельдшерице:

- Мариночка, дорогуша, достань корглизончику. Колоть будешь.
- Я? Почему я? – испугалась та.
- Давай, милая. Не спорь.

Фельдшерица распаковала экспресс-лабораторию и принялась возиться с инструментами, способными вызвать ночные кошмары даже у бывалого палача. Врач же вплотную занялся больным. В глазах его плескалось радостное волнение, какое бывает у людей, искренне любящих свое дело.

– Как я и думал! – воскликнул врач. – Ах, как хорошо! Ах, как это замечательно! – И, обернувшись к фельдшерице, сообщил: – Осчастливь этого сударика полкубиком, дорогуша. А потом кебузончику. Договорились? !

И принял восторженно щебетать что-то о «декомпенсации» и «таксистолической форме».

Забавно ссгутившись, девчонка приготовила шприц. Никогда не видел, чтобы лекарство кололи так долго – наверное, ставили рекорд для книги Гиннесса. Старику мучили, пожалуй, минут пять. Врач смотрел на это безобразие, благодушно улыбаясь и что-то одобрительно бормоча себе под нос, так что я успокоился.

Потом мы с водителем бережно, словно вазу эпохи Цин, переложили старика на носилки и унесли в машину. Когда я вернулся, фельдшерица заполняла бумаги, а врач что-то радостно втолковывал Свете. До меня доносились лишь обрывки фраз:

– Анафилактический шок… ну это просто чудо какое-то! Можно сказать, великолепная аллергия на старость. Нет, не лечится… замечательно! Просто чудесно! Будет восхитительный гемодиализ… Однако в таком хорошем состоянии… вы наследница?! Поздравляю!

Марина оторвалась от карточки и сердито поинтересовалась у меня:

– Родственник вы будете?

Я помотал головой.

– Родственники нужны обязательно, – сообщила она. – Чтобы в больницу везти. Кто здесь родственник?

– Я! – дэвчиком из табакерки выскоцила баба Вера. – Я Серафимычу первая родственница, надежда и опора! – Она с вызовом посмотрела на юную дзайану. – Не то что некоторые, которые раз в три месяца за наследством приезжают!

– Ах, ты, борсетка старая! – взвилась Светка.

Фельдшерица равнодушно кивнула и вновь уткнулась в форму. Строчки выходили у нее ровные, опрятные. Писала она округлым девичьим почерком, так не похожим на каракули в рецептах. Интересно, это сколько же лет надо учиться, а потом не покладая рук работать по специальности, чтобы профессионально угробить почерк?!

Вскоре с формальностями было покончено. Водитель захлопнул дверь, и «Скорая» умчалась, унося старого дзайана навстречу новой жизни. Мы со Светой остались на дороге, глядя машине вслед.

– Главное, чтобы чара не сдохла, – озабоченно проговорила дзайана. – А то забудут, куда ехали…

– Чара? А что за чара?

– Да так, магия вызывания. Тут глушь, сами они б сюда часа три добирались. Вот только от силы многое зависит. А у меня силенок пока маловато.

– Ясно. Значит, магия вызывания… Ну что ж, пойдем улики собирать.

...Где-то в глубинах сознания раздалось громкое «тирям-пам-пам!» – интуиция напомнила о себе. Светкина девятая ступень в магии вызывания недвусмысленно связывалась с проходящим.

Первая улика досталась мне. Света ее проглядела, потому что знала дачу куда лучше меня. Она искала Викуху там, где ее следовало искать, я же положился на удачу, и, конечно же, та меня не подвела.

Вытащив из-за компостной кучи лестницу, я приставил ее к стене. К стрехе шоколадными трюфелями приились ласточкины гнезда. На заляпанном птичьим пометом брусе висела Викуха, похожая на набитый сеном гигантский носок.

Чупакабрас – сильная тварь. Я осторожно разворочил шерсть на собачьем загривке. Вот и след от укуса. Выдран клок шерсти, на коже – багровое пятно, напоминающее цветок гибискуса.

С крыши открылось много чего интересного. Я спустился и прогулялся к забору. Там угрюмо чернела старая компостная куча; несколько чурбаков из разоренной поленницы валялись в траве. Над ними извивалась сорванная со шпалер лоза малинника, среди белесых листьев поблескивали ягоды. Я машинально отщипнул одну, попробовал. Немного водянистая, но сладкая. Поздний сорт, что ли?..

Через миг сломанный малинник великолушно открыл мне то, что я искал. На заборе у поленницы дотлевали пряди плесени. Если чупакабрасу где и перебираться через забор, то именно здесь. Конечно, он мог просто прибежать сюда, чтобы поточить когти о сетку, но это вряд ли. Итак, зверюга пришла из леса.

К домику я вернулся с просветленным лицом.

– Ну? – Света посмотрела на меня с надеждой.

– Помаленьку проясняется, – сообщил я бодро. – Ну, студентка, устроим тебе маленький экзамен. Припомни-ка мне какую-нибудь тварь, чтобы оставляла плесневелый след.

Дзайана присвистнула и вытаращилась на меня с некоторой даже обидой:

– Лапа! Да ты знаешь, сколько таких тварей?! Сотни! Это очень важно?

– Очень, – заверил я ее.

– Тогда я в справочнике посмотрю, ладно?

– Хорошо. А сейчас пойдем в дом.

В доме я первым делом двинулся к столу. Бумаги, которые я вытащил из кармана Литницкого, лежали там же, где я их оставил. Заинтересовали они меня куда больше, чем след плесневелой твари.

Первая оказалась квитанцией из башни безмолвия⁵. Выдан труп женщины, одна штука, подпись смотрителя неразборчивая, начинается на «Те...». То ли «Телех», то ли «Тепех».

Вторая – лист в клеточку, выданный из ученической тетради, – заинтересовала меня еще больше. Развернув ее, я прочел:

«В суффиксах полных страдательных причастий пишется две буквы Н, например, ЗАГРЫЗЕННЫЕ ВЕНИАМИНЫ. В суффиксах кратких страдательных причастий пишется одна буква Н, например, ВЕНИАМИНЫ ЗАГРЫЗЕНЫ».

Так-так-так... На четыре пятых уверенный в том, что увижу, я вторично перечитал записку.

Конечно же текст стал другим:

---

⁵ По яснийским канонам, тело умершего человека нельзя закапывать в землю, бросать в воду или сжигать, чтобы не осквернить одну из первостихий. В башнях безмолвия над покойниками проводят ритуалы, после которых тело считается «чистым» и его можно хоронить на кладбище.

«Чтобы правильно написать безударные окончания существительных, в большинстве случаев (кроме слов, оканчивающихся на -ИЯ, -ИЕ, -ИЙ) достаточно определить, к какому склонению относится слово, и посмотреть, как пишутся слова с ударными окончаниями из этого же склонения в такой же форме.

При проверке для первого склонения удобно пользоваться словом ВИНА, для второго – ШАНТАЖ, для третьего – КРОВЬ. В этих словах все окончания ударные.

Например, мы сомневаемся, что писать на конце словосочетания «САРАЙ В СЫРОСТЬ...». Слово СЫРОСТЬ третьего склонения. Подставляем проверочное слово «В КРОВИ». Следовательно, писать надо «САРАЙ В КРОВИ», с буквой И на конце».

Магия! К сожалению, больше ничего интересного узнать не удалось. Еще раз раскрыв лист, я обнаружил на нем правила решения каких-то магических уравнений. Затем – схему устройства замка, навешенного на подвальный люк.

Сомнений не было – я держал в руках легендарную вещь. Запредельный артефакт, мечту любого школьника всех времен и народов – Абсолютную Шпаргалку. Вопрос только: как она попала к Вениамину?

Хм… А не связан ли с этим милым предметом некий свалившийся в сад мальчик? «Вроде скрипача, со шпажкой деревянною… Артемом зовут». И тут еще какой-то Димка, Светин сосед по лестничной клетке…

Судьба великодушно посыпает мне в руки нить. Друдж будет не воспользоваться ее щедростью.

– Игорек! – донесся с улицы отчаянный Светкин голос. – Тебя спрашивают! Дуй сюда!

Я сунул лист в карман и поспешил на улицу.

У ворот стояли двое гостей, один неожиданней другого. Монах в черно-белой рясе асната – жилистый, сухощавый… словом, тот самый, о котором говорили старушки, и рядом с ним кривоногий усач в милицейском мундире и расстегнутом кожаном пальто.

– Игорек! – взревел усач, бросаясь ко мне. – Вот так, а?! Что ж вас из Виттенберга привнесло??!

Сердце екнуло. Я попал в руки самого отчаянного и непредсказуемого из веденских оперативников.

– Ишь, дэвяка! – с энтузиазмом облапил меня усач. – Исходил-то, исходил на вольных харчах! Что, Гертруда, не естся, не пьется Гамлету??!

– Полегче, Сема, – я попытался вырваться из его объятий, – естся великолепно, пьется – дай боже! Беготни просто больше, чем на казенщине. Знакомься, кстати: Светлана Литницкая. – И, морщась от боли в ребрах, представил усача дзайане: – Коллега мой бывший, с Булочной, семь. Капитан милиции Семен Винченцо, живая легенда. Оперуполномоченный отдела по борьбе с преступлениями, – тут воздух в легких закончился, и скороговорка моя призамедлилась, – совершенными с применением магических техник.

– Отдел СооПриМат??!! – поразилась Света. В глазах ее светилось благоговение: – Маголовный розыск??!

– Так точно, сударыня. Будем знакомы!

Дзайана вспыхнула и потупилась. Впрочем, Семен на всех женщин оказывает такое воздействие. Ему за сорок, однако энергии его может позавидовать двадцатилетний биатлонист. Он играет в драмкружке, Шекспира может часами цитировать, женщины ему на шею вешаются. Рубака, хохотун, непоседа. Но, к сожалению, дурак. Впрочем, должен же быть у человека хоть одни маленький недостаток?

– А где эксперты твои? – поинтересовался я. – Галочка, Люсенъка??

– Какие там эксперты! – жизнерадостно объявил тот. – Скомандуйте дать залп! В отпусках наша экспертня… Крутимся, как можем, а Может – это ночмарская фамилия.

Пока мы хотели (как это обычно бывает, совершенно по разным поводам), аснатар стоял с непередаваемо мрачным видом. Наконец он схватил Винченцо за плечи, встряхнул и рявкнул тому в ухо:

– Давай к делу, сын! Побалаболить всегда успеем.

Продолжая хихикать, Семен развел руками:

– Видал?! Папаня выискался на мою голову! У-у, попская морда! Тут друга встретил, лет пять как потерявшегося, а он... Поди поспи, Франциско!

– Прошу простить нас, святой отец, – я учтиво поклонился инквизитору, – мы действительно давно не виделись. Так это вы, значит, отец Иштван?

– Истинно так, сын мой.

– Вчера обряд проводили?

– Проводил, паства. Мы в своем праве – друдж бить и в хвост, и в грибу! Как здоровье подпаствуемого?

– Плохо. Не впрок ему ваши молитвы пошли. Насколько я знаю, бедняга при смерти.

Это заявление оказалось примерно то же воздействие, что пуля, попавшая в гору воздушных шариков.

– Как при смерти?! – подскочил Иштван.

– Офелия, вы порядочная девушка?! – это уже Винченцо.

В нескольких словах я рассказал то, что знаю. Упомянул о контракте, о мертвой курице, о дэвовском звере чупакабре.

– Зажгите ароматные куренья, – пробормотал Семен с печальной задумчивостью. – Опять ты меня опередил... Я здесь по сигналу. Думал, врут, кошелки старые... Ан нет, Офелия – девушка порядочная. Ну давайте осмотрим место происшествия.

Я сводил Винченцо к трупу собаки, к следам плесени на заборе (никаких следов, впрочем, уже не осталось) и показал место, где мы нашли старика. Семен слушал рассеянно. Это наводило на жуткие подозрения: похоже, у него появилась ВЕРСИЯ.

Так оно и оказалось.

– Вы все арестованы, – после минутного раздумья объявил он. – Все, кроме Светланы.

– Можно поинтересоваться, почему, сын мой? – меланхолично поинтересовался аснатар.

Похоже, он уже понял, с кем имеет дело.

– Молчать! Вы натравили на старика чудовище! Впрочем, нет... Не сходится... Ах, дэв возьми! Вы же не дзайаны.

– У меня алиби, – деловито сообщила Света. – Я была на дискотеке в «Трансильвании». Можете проверить регистрационную чару.

Это расстроило капитана до глубины души. Он окунул дзайану взглядом человека, обнаружившего вдруг, что его семья пала жертвой кровавой вендетты:

– Плохо, сударыня! Из-за вас версия рушится. А органам надо оказывать содействие. Значит, так, предлагаю другую версию. В убийстве виноват мальчик! Мотив есть. *Con tutto il cuore ben trovato!*

Я-то к семеновским методам привык... Но Света и аснатар впечатлялись:

– Позвольте, но какой же мотив у мальчика?!

– Уши. Уши его мотив! Во время обряда мальчик... как его зовут, кстати?..

– Артем, – подсказал инквизитор, с каким-то болезненным любопытством глядя на инспектора.

– Великолепно! Артем – он ведь упал с забора, так? Вот и мотив! Потерпевший ему уши надрал, а мальчишка – он, естественно, в совершенстве владеет боевой магией высоких степеней – затаил обиду. Мы же понимаем, сами дзайаны... Прикрываясь безобидностью детского вида, мальчик навел чару. Магическая тварь, призванная им, сожрала потерпевшего с потрошками. Все просто. – И, не в силах сдержаться, добавил: – Он отозвался б, но запел петух.

— Ладно, — без энтузиазма согласился я. — Как рабочая версия пойдет. — И вполголоса добавил: — Молитесь, отец Иштван, чтобы она оказалась последней.

Инквизитор ответил мне понимающим взглядом. Светка раздраженно закатила глаза.

— Ерничать, Игорь Анатольевич, не надо! — надулся инспектор. — Семен Винченцо себя окажет. Значит, так. Вы остаетесь. Ничего не трогаете. Я допрашиваю соседей. Не трогать первую — моя! И — оп-ля-ля — дело фактически закрыто!

Он подпорхнул к калитке, но тут его окликнул аснатар:

— Один момент, благой товарищ Винченцо. Не хотите выслушать кое-какие соображения со стороны церкви?

— Ну что еще?!

— Дело в том, сыне, что вчерашний обряд закончить не удалось. Подпаствуемый запретил освящать одну постройку... понимаете?

Мы переглянулись.

— Какую именно? — осторожно поинтересовался он.

— Сарай. Между тем оттуда исходят явственные миазмы друджа.

— Хм... — Винченцо с надеждой потер подбородок. — Пожалуй, свидетели подождут.

Мы вопросительно посмотрели на сарай. Тот поспешил притвориться совершенно безобидной развалюхой.

«САРАЙ В КРОВИ», — всплыло в памяти. Заколдованный листок шевельнулся в кармане. Мы семимильными шагами приближались к разгадке.

Увы, зловещее строение нас разочаровало. В нем витал дух запустения. Земляной пол устипало свежее сено; в углу противотанковым ежом топорчились инструменты: вилы, коса, тяпка. Я заметил разоренные кроличьи клетки, пустой насест... Все грязное, сломанное. Домашняя живность в старицком хозяйстве повывелась уже года как четыре.

— Так-так. — Винченцо прошелся к клеткам и обратно. — Это очень важно, прошу занести в протокол. Сарай пуст. Как говорится, угомонись, кормилица, и ты.

— Семен, осторожно, — заметил я небрежно. — Лоб побереги.

— Не понял?!

— Среди инструментов есть все, что угодно, кроме грабель. Скорее всего они закопаны в сене.

Винченцо запнулся. Походка его сделалась вкрадчивой, как у мыши, разминирующей мышеловку. Балетным шагом он провальсировал к двери.

— Животины у Литницкого нет, — продолжал я задумчиво, — значит, сено заготавливать не для кого... Однако, — я нагнулся и вытянул ключок, — сено свежее. Это не бурьян, не болотные травы — мышиный горошек, чина, полевица. Первосортное сенцо. Зачем оно?..

— Может, чтобы спать? — предположила Света. И тут же сама себе ответила: — Нет, жестковато будет... Да и дед комфорт любит.

— Вот именно. Сено скрывает люк в полу. А находится этот люк...

— ...вон там, — показал аснатар. — Оттуда друджем больше всего тянет.

Семен прикусил губу. Инициатива уплывала из рук, и следовало срочно что-то делать.

— Прекрасно! — потер он ладони. — Скомандуйте дать залп! А теперь, товарищи посторонние, пропустите профессионала магрозыска. Потому что пара нормальных мужиков не заменит одного паранормального.

И капитан решительно двинулся к указанному Иштваном месту. Не дойдя нескольких шагов, он остановился:

— Здесь охранные заклятия! Сударыня, подойдите сюда. Чувствуете?

Света стала рядом с капитаном. Лицо ее сделалось задумчивым.

— Ой... Чувствую!

– К счастью, – небрежно продолжал тот, доставая инструменты, – ломать – не строить. Развеивать чары моя прямая обязанность. Как говорится, я буду грызть ноготь по их адресу, и они будут опозорены, если смолчат!

Я присел на скамеечку. Теперь все сладится само собой… Присутствие Светы окрыляло Винченцо. Тот с ходу вывалил весь свой шекспировский репертуар, впрочем, следует отдать капитану должное: дело от этого не пострадало.

Как выяснилось, Литницкий защитил люк четырьмя чарами: защитной «Не плюй в колодец», капканом «Волка ноги кормят», раритетной сигналкой «Чужие здесь не ходят» и сомнительной полезности «На воре шапка горит». Винченцо сломал все. Минут через десять, сбросив сено залихватским телекинетическим ударом, Семен открыл люк.

Деревянные ступени, таинственно поблескивая, уходили в темноту. Из подвала неслышно мокрой известкой и пометом. Мы переглянулись.

– Хорошенько дело. – Света наморщила лоб. – Деда бункер отрыл – пол-Ведена спрятать можно… Ну, что, спускаемся?

И, наколдовав «Елочка, зажгись», храбро двинулась вниз. Мы зашагали следом.

Шпаргалка врала. Кровью в этом удивительном подвале и не пахло. Пахло… ну, я уже говорил чем. Литницкий оборудовал лабораторию по последнему слову ночмарской техники: длинный коридор с решетками в стенах, пол кафельный, за спиной – дверь с рулевым колесом… и жуть, жуть повсюду разлиты – не передать! Откуда-то издалека доносился рвущий душу скулеж.

Иштван воодушевился. Подбородок вверх, глаза горят – печатая шаг, аснатар двинулся к двери. В голосе его прорезались профессиональные окающие басы:

– Эт-то что еще за скотомолельня?! Вот оно, гнездо друджево!

Пронзительно заскрипело колесо. Мы навалились в шесть рук, и дверь распахнулась. Сгорая от нетерпения, мы ворвались в лабораторию.

Ну, гнездо не гнездо, но что-то дэвовское в этом месте чувствовалось… Может, засохшие астры на столе вызывали это томящее ощущение, может, картина «Утро в сосновом бору». Но скорее всего распятый на хромированной дыбе скелет химеры. Трехглазый череп смотрел мутными, затянутыми льдом глазницами, словно моля о помощи.

Я бегло осмотрелся. Хирургический стол, стол лабораторный, два верстака, холодильник во всю стену, компьютеры. Забытый бутерброд, газетка с анекдотами. Тарелочка с раскисшей малиной.

– А-а, – на лице Светы промелькнуло разочарование. – Я-то думала…

– Да, – подтвердил Винченцо, поскучнев, – никакой крамолы. – Он подошел к скелету и подергал шаткую раму устройства. – Потерпевший бестиарий обустраивал. Заклятие «Кадавр Севера», десятый – высший, заметьте! – уровень магии созидания. Вполне безобидное хобби. Можно идти. Идемте, отец Иштван.

На Семена жалко было смотреть. Все мыслимые версии рухнули, словно курс акций «Титаник судостроэйшн». Однако Иштван так быстро сдаваться не собирался.

– Поговори мне, паства, – нахмурился он. – Чую друдж поганый! Пока не вычищу, не уйду!

– Как хотите, товарищ понятой, – пожал плечами Винченцо. – Только ничего не трогайте, мне еще протокол составлять.

– Церкви указуешь, нечестивец?! На путь друджа стал?!

– Товарищ понятой, выбирайте выражения!

Мы тихонечко вышли из лаборатории. Пусть себе собачатся… Светина «елочка» почти выдохлась, и коридор медленно, но верно сползал во тьму. Я нашупал на стене выключатель. На стенах вспыхнули тусклые факельные огни.

– Ну что? Поглядим, что деда натворил? – жизнерадостно предложила дзайана. – «Кадавр Севера» – редкая чара. Веня ею лучше любого гранда владеет!

– А почему он сам не грандмастер?

Света посмотрела на меня с удивлением:

– Для гранда надо минимум три школы по высшему разряду знать! А для аватара магии – все до единой. Ну что, идешь?

Я последовал за ней, меня и самого интересовало, чем на досуге занимался чудак-дзайан. За решетками ворочались темные тушки: химеры, эмпусы, эринии. Белел изгаженный насест с гарпиями, вздыхала во сне мантикора. Сон разума плодит чудовищ…

За углом нам впервые встретилось что-то знакомое. Из стойла выглядывала грустная лошадиная морда. Во лбу звездочка, глаза умные, челка, словно у китайской девочки.

– Лошадь! – обрадовалась Света. – Лапуля ты моя!

Лошадь фыркнула, обнюхала лицо дзайаны (та смешно зажмурилась) и потянулась ко мне теплыми бархатистыми губами.

– Хорошая моя… славная. – Я потрепал лошадь по холке. – Ну, хватит, хватит! Всю ладонь обслонявила. Тебя что, хозяин не кормит?

В соседнем стойле тоже послышалось фырканье. Второй конь переступил копытами по дощатому полу и потянулся ко мне, требуя свою долю внимания.

– Я сейчас! – Света с готовностью полезла в рюкзачок: – У меня, кажется, булочка была!

Лошадей люблю… Не стань я когда-то на путь закона, подался бы, может, в конюхи. Я гладил обеих зверюг по холке, поражаясь, как таких замечательных созданий можно было упрятать под землю. Да еще и небось впроголодь держать!

– Зверюга симпатичная, – не переставая чесать жмуриящуюся от удовольствия лошадь за ушком, я нагнулся к яслиям, – а как у тебя с овсом?

С овсом дело обстояло плохо… Из яслей выглядывала спутанная грязная мочалка. Трогать ее руками я не решился, перевернул скребком.

И не зря.

С бильярдным стуком мочалка скатилась на дно кормушки. Не обращая внимания на тошноту, я выкатил череп из яслей. Волосы есть лошадь побрезговала, зато лицо слизнула начисто. Корабельным каркасом белели обглоданные ребра; на плечах скелета еще сохранились остатки симпатичной красной кофточки с пионаами.

«Что ж вы хотите, – вспомнился давний студенческий анекдот, – колбаска четвертого сорта. Собаку даже из будки не вынимают».

Раздеть жертву перед тем, как скормить лошадям, Вениамин явно поленился.

– Ой! – Дзайана присела на корточки, разглядывая череп. Глаза ее горели восхищением: – Вот это да! Ну, дед Вениамин дает! Это же кони Диомеда из легенды! – Она повернулась ко мне: – Их еще называют «кони привередливые». Геракл когда-то плавал за ними к царю Диомеду.

– Их кормят человеческим мясом?

Видно, все, что я в тот момент думал, отразилось на моем лице. Дзайана пожала плечами:

– Ну да. Реш, ты чего?! Созданные твари почти все людоеды, не знал? Дзайаны покупают для них трупы в башнях безмолвия.

Вот и объяснилась квитанция, найденная в кармане старика. Из башни безмолвия Вениамину Серафимовичу выдали не жену, как я до сих пор думал, а безвестную побродяжку – на прокорм привередливых лошадок.

Впрочем, я не угадал… Света склонилась над яслиями.

– Ой… – хихикнула она. – Это же кофточка баб-Надина! Ну, деда, ну, затейник! То-то они так ругались весь год!

И я окончательно понял. Не было никакой чупакабры. Вернее, нет, была... может, и сейчас есть – где-то в своей клетке, созданная дзайаном-умельцем. Людей прав: мой клиент перешел границу безумия. Потеряв бесценный кинжал, он принялся создавать абсолютную защиту.

Идеального сторожевого пса.

Если поискать, мы найдем здесь многих кадавров-сторожей... Кони Диомеда – лишь шаг к созданию совершенного охранника. Представляю, сколько здесь могущественных тварей!

Со временем чудовищам требовалось все больше и больше мяса. Поставщик из башни безмолвия неправлялся – слишком много заказов. И тогда Вениамин отправился на охоту. Первой жертвой стала его жена, может, были и другие жертвы. А потом он придумал замечательный ход. Принес мне куриный трупик, рассказал историю о преследователях-ненавистниках...

Он хотел инсценировать нападение чупакабраса и в ожидании меня выпустил его из клетки. Вот только случилось все несколько не так, как он рассчитывал. Тварь оголодала и напала на своего создателя. Это, кстати, объясняет «зверей из тени», о которых лопотал старик.

Не окажись я таким до безобразия везучим – лежать мне сейчас в кормушке проклятых тварей.

Я поднял глаза к небу. Где-то там сияет моя путеводная звезда... А еще там сидят великолепные парни, единственная цель жизни которых оберегать мою задницу от неприятностей вроде этой. Спасибо вам огромное, ребята!

– Пойдем, солнце. – Я тронул Свету за плечо. – Похоже, все, что могли, мы выяснили.

– Ага, – согласилась она весело. – Ну и ладно!

«Елочка» доживала последние мгновения. Горестно мигнув, заклятие распалось. В следующий миг от Светкиного визга кони шарахнулись по дальним углам стойл.

Мы рано расслабились. Из-за угла выплывали три пары огоньков: золотые, красные и багровые. Тварь вступила в световой круг, обретая очертания цербера – три волчьи башки, змеиная шерсть и кольчатый хвост с пастью на конце.

– Берегись!!

Пистолет сам прыгнул мне в руку. От грохота, многократно спрессованного арками перекрытий, я на мгновение оглох. Брызнули алые рубинчики крови.

– Реш, я прикрою! – азартно крикнула Света. Она торопливо расчертила воздух огненной монограммой, слепила в комок и бросила в тварь. «Пламенный глагол» зашипел, прогрызая шкуру.

Заклятие это убивало наверняка, воспламеняя сердце противника. Вот только у цербера не было сердца. Он помотал единственной уцелевшей головой и прыгнул.

Отчаянно заржали лошади; твари в клетках завыли, захрипели, залаяли. Когтистая лапа снесла меня в сторону. Когти склизнули по плитке пола, и цербер, проехав на заду, вращаясь, уткнулся мордой в живот дзайаны.

Ошалелыми глазами зверь и человек смотрели друг на друга.

– Он меня нюхает! – завизжала Светка. – Реш, спаси-и!!

– Не шевелись!

«Эфа» голодно клацнула в руке. Та-ак! Обойму милейший Людей подсунул мне неполную. Сэконошил святые патрончики, гад!

Оставалось одно: бить тварь врукопашную.

Чудовище разъявило пасть, хватая девчонку за руку. Та даже колдовать не пыталась: визжала и молотила цербера рюкзачком. Я прыгнул зверю на хребтину, но тот свалил меня ударом змееглавого хвоста.

И тут... Поверите ли: никогда не думал, что так обрадуюсь святоше-инквизитору!

– Паства, держись! – разнеслось под сводами подвала. – Семпер друдге перкутиатур!

Черно-белый вихрь просвистел по коридору. От чудища в разные стороны брызнули ошметки: оторванные лапы, кольчатые сегменты хвоста. Зверь звывал дурным голосом, пытаясь вырваться. Не тут-то было! Вихрь втянул его в себя и разметал клочьями сухой соломы.

Повисла легкая тишина.

Черно-белый волчок сжался, принимая очертания человеческой фигуры. Иштван стоял на одной ноге, сложив ладони перед грудью. Вот он развел руки в стороны, становясь похожим на святую птицу-фарохара.

Я с трудом поднялся на ноги. В ушах звенело.

– Благодарю вас, отец Иштван. Вы... вы очень вовремя!

– Господа благодари, – скривился священник. Он хмуро рассматривал свою рясу. Выглядела та так, будто по ней размазали пару килограммов мясного фарша. – Вот же огорчение дружево... – бормотал Иштван, – Новенькая же ряса, а?.. На неделе пошил!.. А химчистки божественные нонечка того... в алеманчик...

– Да не беспокойтесь вы, отче! – Света тяжело оперлась о пол, поднимаясь. – Я вам постираю.

От взгляда священника можно было зарядить аккумулятор:

– За глаголом следи, паства! – рявкнул он. – Постираю!.. Рясу божескую, соплиска хрена. Однако, – добавил он, смягчившись, – господь в моем лице не откажется от пожертвования.

– Щедрого?

– Щедрого мало. Тут обильное более уместно.

– А я только умеренное могу... – огорчилась Света. – Студентка я.

Настала пора мне вмешаться:

– Я добавлю. В складчину, может, даже и на достойное наскребем.

– Достойное... Пфе!.. Вы учитывайте, паства: мне еще с богом делиться.

Поторговавшись, сошлись на солидном. Половина Вениного задатка (все, что имел с собой) отпраздновала новоселье в сандалиях священника. Света сбежала к оторванной голове цербера, выдрала из зубов рюкзачок и достала двадцать алеманов.

– Больше нету, отче. Стиуха через неделю, я занесу.

– Путем друджа идешь, дочка!

– Да что мне, – обиделась та, – натурай отдавать?! Нету, блин! Нету!

– А отработать?

– Ну я же сразу предложила рясу постирать!

Аснатар умолк. В Светкины прачечные таланты он почему-то не верил.

Мы вернулись в коридор, ведущий к лаборатории, там уже крутился инспектор. Похоже, о недавней бойне Винченцо великолепный и не подозревал.

– А, голубчики-соколы! – обрадовался он. – Бегемоты-крокодилы! А я-то думаю, куда вы запропастились?

– Мы определяли меру мирской любви к господу, – кратко сообщил аснатар. – Желаете подискутировать?

– Нет, товарищи понятые. Я господа люблю совершенно бескорыстно. Что с вами случилось?

Я рассказал о нападении цербера. Винченцо слушал внимательно. Морщины на его лбу то собирались в гармошку, то разглаживались, словно играя «Подведенские вечера».

– Тварь пряталась где-то здесь, – уверенно объявил он. – Где именно? А! Здесь много клеток! Она сидела в клетке!

– Гениально. – Мы не удержались от аплодисментов.

Винченцо раскланялся. Его вдохновляла новая версия:

– В какой же клетке сидел цербер? – бормотал он. – Клеток много, надо вызывать экспертов... Но! Путем умозаключений я прихожу к выводу, что ныне эта клетка пустует. Вот оно! Моя Гертруда, удались и ты! Надо найти пустую клетку!

– Эта, – указала Светка на решетку, возле которой мы стояли.

– Сударыня, надо подходить системно. Разобьем коридор на квадраты, начнем с самого начала.

– Так она открыта! И вот... следы когтей, шерсть... он недавно линял! – Света подняла за хвост дохлую змею.

– О, эта женская логика! – Винченцо в раздражении закатил глаза. – Только из уважения к прекрасной даме. Офелия, ты честная девушка? – и, открыв решетку, шагнул внутрь.

В молчании мы последовали за ним.

– Как, интересно, Вениамина раньше не съели? – проворчал я, рассматривая замок. – Такая безалаберность... Замки только что зубами не открываются.

– Может, он сам открыл? – предположила Света.

– Да нет, не сам... И не ломал его наш дружок. Замок отперт ключом. Или отмычкой, – добавил я вполголоса, разглядывая замочную скважину.

Отмычкой... Какому же сумасшедшему пришло в голову выпустить чудовище на волю? И зачем?

На всякий случай мы осмотрели камеру. Выяснилось, что цербера действительно готовили на роль сторожа. В клетке стоял отпертый сейф. В нем мы нашли старую туфлю, стакан с тухлой водой и пачку денег. Все это Семен забрал с собой в качестве вещественных доказательств.

Перед тем как уйти, я попросил дзайану еще раз посветить в камере. Она заговорщики мне подмигнула, и яркое «елочное» сияние распутало тени по пыльным углам сейфа.

Ха! Вот она – деталь, которую проглядели Винченцо и аснатар. Я склонился над сейфом. Судя по тому, как лежала пыль, кроме найденных «вещдоков», в сейфе раньше лежало еще кое-что.

Коробка.

Или большая книга.

ГЛАВА ПЯТАЯ

*(Отдохновение, 12.10,
рассказывает Игорь Колесничий)*

Как и все хорошее, расследование наконец закончилось. Настала пора прощания. Тяжелее всего оказалось избавиться от Семена. Он все порывался нас подвезти – для того, по его словам, чтобы не «остаться старой девой и из-за нас в аду мартышек нянчить». На самом деле, я подозреваю, ему страстно хотелось вымочить мою жилетку слезами, рассказать все новости отдела за последние пять лет… в общем, проделать все те вещи, что обычно проделывают потерявшиеся старые друзья.

Меня это не устраивало. Винченцо и так слишком много. Кроме того, выяснилось, что он не только болтун, но и растеряха. Квитанция из башни безмолвия подевалась неведомо куда. Семен клялся, что у него все учтено и оприходовано, однако, сколько ни рылся в портфеле, так ее отыскать и не смог.

Это наводило на мысли.

Задумчивые.

Ладно, если Семен действительно сунул ее за подкладку… А ну как поселял? Где прикажете искать торговца трупами? Номер башни я не запомнил, а перетряхивать все веденские похоронные конторы жизни не хватит.

Впрочем, теперь это не мое дело. На Вениаминов гонорар я могу не облизываться, а значит, дальше заниматься этим расследованием никакого резона. Все равно для профилактики я устроил капитану роскошный нагоняй. Он в отместку выписал мне повестку на Булочную, семье.

– Приходи завтра, чаю попьем, – и подмигнул загадочно. – У меня к тебе непристойный интерес есть.

– Ну какой интерес, – усмехнулся я, – крыса ты соприматовая? Ты ведь даже до примата не дорос, малахольный.

– Следствие попрошу не оскорблять! – обиделся он. – И вообще, моя Гертруда, удались и ты.

На том и порешили. Иштван отправился «делиться с богом», а мы вернулись на станцию, где уселись на скамейку ждать поезда. Огненный боярышник склонился над нами, качая униженными перстнями ягод ветвями.

– Нищета, – весело резюмировал я. – А ведь еще вчера был солидным обеспеченным красавцем, с надеждами на будущее.

– Ну, ты и сейчас красавец, лапа. А надежды – большие были?

– Две тысячи алеманов.

– Ого! Дед Вень не мелочился. – Дзайана задумалась. – Слушай, – объявила она после недолгого молчания, – а давай я тебя найму?

– На что? Очередную лабораторку сдавать?

– Не-е… Слухай сюды, солнце.

Она полезла в карман изжеванного рюкзака и достала листок бумаги – тот самый, что выцыганила у Вениамина.

– Вот, любуйся, – протянула мне. – Это дзайанский белый лист.

Я с интересом повертел его в руках. Дзайаны не обманывали – действительно, ни пятнышка, ни буквочки. Совершенная белизна.

– Соблазняешь меня в манары? Учи, я продаюсь со вкусом и задорого.

– Что ты, лапа! Я пред тобой преклоняюсь и благоговею. Нет, без шуток! – добавила она, заливаясь краской. – У меня к тебе другое дело. Помнишь, как Вениамин отдал мне этот лист? – Я кивнул. – А остальные, сказал, у Марченко… Так вот, Марченко – это дедов закадычный друг. Веня ему доверяет как самому себе. Он и листы, которые наши, все отдал ему. Вкастовываешь?

– И очень даже хорошо. А ты, значит, собираешься вернуть фамильные богатства.

– Ну да! Только Алексей Петрович мне не поверит. Я же дзайана! А вот ты человек, он тебя под «Чистосердечным признанием» расспросит. Это чара такая специальная. И ты всю правду расскажешь. Ой, лучше бы не всю!..

– А на тебя «Чистосердечное» не подействует?

– Подействует. Просто я Алексея Петровича считаю существом наинижайших моральных качеств, анфант терриблем, моветоном и… мудаком, короче. Под чарой я чистосердечно все это ему выскажу.

– Ясненько. Ну, значит, разовый контракт на охрану. Отдавать будешь со стипендии. Пожизненно.

– Да ты что, Решик! – Она засмеялась. – Когда у меня листы будут, мне за них столько денег отвалят! Ты дзайанов не знаешь! – И добавила с неожиданной горечью: – Они за лишнюю ману удавятся… Вот и предки мои тоже… Ай, ладно…

Мне очень хотелось выяснить, что же у нее случилось в семье, но тут подошла электричка. Вообще, смешная ситуация: два почти миллиона, а на билет ни сента. К счастью, наши несчастные мордашки растрогали кондукторшу до глубины души⁶. В результате мы комфортабельно устроились на ступеньках вагона, с аппетитом жуя горячие яблочные пирожки. Пирожками нас угостила та же кондукторша, сбегав за ними на остановке в привокзальный ресторанчик.

Мы отправлялись навстречу новым приключениям… Правда, в тот миг я совершенно не представлял, в какое грандиозное дело впутался.

Жил Алексей Петрович неподалеку от вокзала. Я и не подозревал, что в городе есть такие идиллические места, словно вынырнувшие из позапрошлого века. Мы спустились по парковому косогору, пересекли перламутровые отмелы мостовой и вышли к средневековым бастионам в стиле поздней летящей готики.

За чугунной оградой задорной яблоневой листвой светился уютный садик. Здесь размещался питомник мохнатых мишек-кавказцев. Щенята почуяли прохожих и собрались у забора, просовывая между прутьями любопытные черные носы. За деревьями сорванно лаяла их мать.

– Нам сюда? – спросил я.

– Нет, дальше.

Путь вывел нас к арке-подворотне с заржавелой решеткой. Знаю я такие арки… Ведут они в глухой пыльный двор, крест-накрест исчерканный бельевыми веревками, с бурьяном и старыми пластиковыми ящиками. Жить в таких местах мило и скучно. Однако есть в этих двориках и свое очарование. Например…

– Стоп! – сказала Света. – Дальше не идем!

– Что случилось?

– На, держи!

Она порылась в рюкзачке и протянула мне бинокль. Хороший, разведчицкий, и как только умещался в тощих просторах Светкиного рюкзака?

Заглянув в него, я присвистнул:

– Надо же!

---

⁶ Позднее выяснилось, что это моя спутница кинула одну из мощнейших чар школы вызывания: «Вызвать сочувствие».

У подъезда болтался дэв. Зажравшийся такой младенчик тонны на полторы – серый, в морщинистой слоновьей коже, с масленими карими глазками. На макушке плешь, волосы набок зачесаны, чтобы лысину скрыть. А в пасти – золото. И зубы, что сосульки на зимней крыше... если бывают золотые сосульки, конечно.

Я вернул дзайане бинокль.

– Да-а... Итак, госпожа волшебница, какие будут соображения?

– Ну...

– Могу его из «эфы» достать. Но пули только обычные остались.

– Его сейчас и магические не возьмут... Он висит как перманент чара... в смысле заклинание с условием. Если условие выполнится, дэв вылезет во двор. А нет – так его как будто и нету.

– Ты можешь эту чару развеять?

– Диспельнуть в смысле? Нет, не могу. – Дзайана с сожалением поглядела во двор. – Разве только сорвать его и бить, как цербера. – При воспоминании о недавней драке Свету передернуло. – Лучше мы по классике сделаем.

– Рассказывай.

– Дэвы... в общем, они боятся взгляда собаки. Лучше всего – щенка до года. Нам надо тузика украсть.

И мы отправились к собачьему питомнику.

Там нам не передать как обрадовались. Из кустов вынырнула счастливая морда – щенок кавказца, медвежонок медвежонком. Не веря своему везению, он прыгнул на решетку и принял меня облавивать. Забаву подхватили. Его братья и сестры носились кругами, самозабвенно тявкая. Старшие псы пока не появлялись.

– Какие хорошенькие! – Дзайана присела у забора и просунула руку сквозь прутья.

– Ты поосторожней. Кавказцы – звери солидные, хоть и щенята.

«Солидные звери» тыкались в ладошку черными носами. Света поймала рыжего малыша за загривок и принялась почесывать за ухом. Тот плюхнулся на спину, подставляя живот.

– Хороший... лапуля... ух, какой зверюга! – приговаривала она. Щенок визжал от воссторга.

– Хочешь погладить? – предложила мне. – Он смирный!

Я поймал щенка за лапу и легонько потянул. Тот выкатил блестящий карий глаз и радостно ухватил меня зубами за пальцы.

– Все, я хочу этого. – Света вытянула руку из-за решетки. «Солидные звери» требовательно затяякали: игрушка, вернись! – На, подержи. – Дзайана размотала шарф и передала мне. Затем расстегнула пальто. – Это вот тоже!

Оставшись в джинсах и легком свитерке, она несколько раз присела и подпрыгнула. Изогнувшись, посмотрела себе за спину.

– Блин, ну я растолстела. Вот корова!

– Угу, лань. Сторожа зачаруй, если что?.. Мы все-таки на страже закона.

– Обязательно!

Подтянувшись, она вскарабкалась на забор. Чугунные прутья решетки хищно посверкивали остриями. «Безжалостная фурия ночи» забалансировала на грани падения.

Щенята воодушевленно взвыли. Света чудом держалась на тонкой полосе, приваренной к прутьям. Отпустить руки она не решалась. Наконец собралась с духом и спрыгнула в парк.

Лай дошел до апофеоза. Псы прыгали вокруг дзайаны, захлебываясь в неудержном счастьеизъявлении.

– Держи. – Света передала через забор того самого смельчака, что кусал ее за пальцы. – И руку дай!

Я помог ей выбраться обратно.

– Вот и лапа. – Дзайана отобрала у меня пальто и запрыгала, пытаясь попасть в рукав. Я положил щенка на плечо и, придерживая левой рукой, помог Свете одеться. Пес вопросительно тявкнул. Его братья и сестры отзовались встревоженным лаем.

– Будешь дэвов гонять, – сообщила Света щенку. – А потом мы зверюшку домой вернем, не думай!

Я был уверен, что пес, когда его унесут от питомника, начнет скулить и вырываться. Ничего подобного. Он все порывался лизнуть меня в ухо. Видимо, чуял, что его ждет приключение.

– Жаль, мне собаку нельзя... – вздохнула дзайана. – А то бы мы подружились. Назвала бы его Килаб – это «пес» на одном древнем языке. Вот только я безответственная. Он меня быстро до белого каления доведет.

Когда мы проходили мимо полузысохшей лужи, из-за поворота выскоцил щегольской «Кайен-Турбо». Нас обдало грязью со щедростью репортера, напавшего на рок-звезду. Джип немного занесло, и он чиркнул колесом по бордюру.

Я не успел даже выругаться, как в заднее стекло джипа влетела мусорная урна. Уж не знаю как. Видимо, телекинезом.

– Козлы! – заорала Светка, вытирая пальто. – Уроды!

Зависжали тормоза. На уложке стало как-то очень-очень тихо. Джип мягко, почти деликатно сдал задом.

Ишь, крадется...

Я сунул щенка Светке и шагнул к машине. Аскавские номера, так-так... Гости чужеземные пожаловали. Наши водители и в кошмарном сне себе такого не позволяют.

Похоже, аскавцы еще не знали, почему в Ведене такие дисциплинированные водители. Синхронно щелкнули передние дверцы. Водитель замешкался; охранник уже стоял на проезжей части, а он все еще кряхтел, вылезая из машины. Слишком медленно... Светкин ровесник, адвигается, как коза на льду.

Вот с него и начнем.

Я слегка толкнул дверь юноше навстречу. Тот недоуменно придержал ее:

– Эй, пейзанин, ты чего?! Трепет утратил?

– Да нет, – весело оскалился я. – Дверь у вас качается. Подровнять надо.

Он даже моргнуть не успел. От удара джип содрогнулся, как гигантский пудинг. Что-то хрустнуло, послышался сдавленный крик. Я оглянулся: водитель неуклюже перевесился через порожек. На асфальте расплывалось темно-рубиновое зеркало.

Минус один. И уехать ребята уже не смогут.

Второй охранник выглядел опаснее. Огромный, просто человек-гора, волосы забраны в хвостик. Глаза раскосые, татарин, наверное... Когда-то я тренировался с охранниками банков. Мой учитель их натаскивал, а мы, скромные мальчики из хороших семей, ходили на халявные тренировки. Я тогда ой многому научился!

– Все, пейзанин. – Человек-гора облизал губы. – Я ж из тебя седло барашка сделаю! И биксую твою – на четыре копыта и в галоп!

Все-таки сильные должны быть добрыми... Или я чего-то в мире не понимаю. Я видел мужика вроде этого, который ударом кулака на метр подбрасывал боксерский мешок. Мешок. Не грушу, которую Ван Дамм в фильме мусолил. Но мужик этот работал воспитателем в детском садике. Ребятня в нем души не чаяла.

Раскосый полез в багажник – видимо за двуручником. Я же сосредоточился. В животе вскипела волна, наполняя меня силой и радостью. Мир сделался теплым, легким и озорным. В этом состоянии хорошо бегать и уворачиваться от ударов, изматывая тяжелого и неповоротливого противника.

Кажется, громила это понял. Когда я шагнул вперед, он попятился, почему-то глядя мне за спину. В глазах его закипал страх.

Неслышной тенью дзайана скользнула рядом со мной. Одной рукой она прижимала к себе щенка, в другой поблескивал пистолет. Ченский «Кевин» – субкомпактник. Малыш, которого можно спрятать где угодно.

Детям гадким, непослушным, —

пропела она.

Место лишь в чулане душном.

Грохнул выстрел. Щенок испуганно тявкнул, а дзайана поморщилась. С первого она не попала, выстрелила еще. Здоровяк рухнул на землю, схватившись за бедро.

По заслугам получают.
Те, кто ссорятся, кричат!

Мягко, по-кошачьи девушка обошла джип. Искалеченный охранник взвыл и попытался отползти подальше. Света не обратила на него внимания. Подошла к задней дверце и деликатно постучала в стекло стволом пистолета:

– Ну? Чей котенок обоссался? Вылезай.

Маленький кавказец требовательно гавкнул. За дверцей сидели тихо-тихо, как мышки. Вновь раздался грохот. В стекле возникла дырка, окруженная белой паутиной трещин.

– Аюшки?

В салоне джипа отчаянно и безнадежно завизжала женщина. Сквозь приоткрывающуюся дверцу я успел ее разглядеть. Нечто длинноногое, блондинистое, кукольное. На щеке храмовая татуировка – аскавская танцовщица, значит.

Горестно кряхтя, хозяин джипа полез наружу.

Я вытянул шею, стараясь во всех подробностях Разглядеть настоящего варварского барона. Когда еще такое зрелище выдастся!

Варвар меня разочаровал.

Наверное, когда-то он был истинным мачо. Носил аскавский двуручник за спиной, длинные волосы, улыбался дерзко и бесшабашно. Ох, сохли по нему бабы! И тонкий был, и звонкий. Но сухопарость и отчаянность с годами ушли, оставив одышку, залысины и брюзгливое выражение лица.

А еще – страх.

Никогда я не видел, чтобы человек так боялся. Аскавец начал с угроз и площадной браны, закончил же невнятными жалобами на жизнь.

Светка слушала его с равнодушным видом.

– Ничего, – сказала, – жить будешь. Я тебя просто прокляну. – Переложила пистолет в руку, которой придерживала пса, и зачастила: – Под дубом червь, на дубе птица, горюн-перо, в крыле спица, бедняге не спится, как придется, все неймется, сломано,бито – не срастется!! Сломано,бито – не срастется!! Сломано,бито – не срастется!!!

Все это она выпалила на одном дыхании, нарашивая темп. На последних словах мне стало не по себе. Звуки выбивались, отдаваясь болью во всем теле. Завершая мантру, дзайана ткнула жирдяю в лицо пятерней. Прикосновение было легким, но тот захрипел, завалился набок.

– Вот и все. Увижу еще раз – в кактус превращу! На текилу пойдешь, понял?! – Потом повернулась к здоровяку с простреленной ногой: – Ты что-то про копыта говорил? Вот с завтрашнего дня и отрастишь.

Лицо громилы по цвету стало неотличимо от его рубашки.

– С-сука… – шептал он. – С-су…

– И хвост собачий. – Света взяла меня под локоть: – Пойдем, Рек. Этим уже хватит.

Через несколько шагов я не выдержал и оглянулся. Толстяк и его голенастая спутница затаскивали в машину раненого телохранителя. Ну, Светка… Фурия самая настоящая!

– А ты ничего. – Она застенчиво улыбнулась. – Настоящий, не то что эти. Без оружия, без каста троих! На, подержи!

Она отдала мне щенка, а потом, привстав на цыпочки, чмокнула в щеку. Пес ревниво гавкнул.

– Это за… – Тут она опустила взгляд на свое пальто и умолкла на полуслове. – Господи, что это?!

– Это? Это когда ты стреляла. С собакой на руках.

– Ту-узик! – В голосе ее прозвучали знакомые нотки. – Ты опи-исался, тузик! Да-а уж, денек сегодня…

Не говоря ни слова, она стянула с себя пальто и запихала в урну.

– Сумасшедшая. Его же отстирать можно!

– Ни за что. Да и дэвы с ним, у меня еще есть…

– Как знаешь. – Я опустил щенка на тротуар и стянул с себя куртку-безрукавку. – Держи.

А то замерзнешь.

– Спасибо. Ты хороший!

– Ты тоже. Свет.

– Я?! Я – ночная фурия Ведена.

Щенок смотрел на нас круглыми загадочными гляделками, поднимая то одно ухо, то другое. Чего хохотут как сумасшедшие? Людей всегда так сложно понять…

У решетки, закрывавшей вход в подворотню, сгустилась подозрительная тьма. Я поставил щенка на землю. Тот сразу же принял обнюхивать углы, потом звонко обляял нечто клущееся в воздухе. Мне показалось, что в подворотне немного посветлело.

– Ничего не чувствую, – сообщила Света. – Он убрался.

– Значит, идем.

Настроение стремительно улучшалось. Аскавцы, дзайаны-затейники, дэвы… Все-таки жизнь удивительная штука. Я оглянулся на дзайану. Та с восторгом рассматривала обновку:

– Рек, здорово! А что это за иероглиф у тебя на куртке?

– Айкидо. Учитель подарил, когда мы в лесу лагерничали… Я свитер дома забыл, замерз как цуцик.

– Учитель? – Она помрачнела. – Жаль. Я ее хотела насовсем попросить…

– Да бери! Учителю она тоже от кого-то досталась.

– Спасибо! А у тебя какой пояс?

– Черный. Первый дан.

– Ух ты!.. То-то ты так ногами дерешься!

– Ногами – это было давно и неправда… Я ведь раньше много чем занимался. А айкидо вообще не боевое искусство.

– Как это?

– Ну, возьмем чайную церемонию. Заварником можно хорошо по голове приложить. Кипяточку в глаза плеснуть, осколком пиалы уши отрезать. Но ведь никто же не изучает ее, чтобы драться, правда?..

Щенок довел нас до крыльца, возле которого пряталось чудовище. Встопорщил уши, навострил хвост. Затем привстал на цыпочки и по-собачьи обругал невидимку.

– Подействовало. – Света протянула мне бинокль.

Я заглянул в окуляры. Дэв пялился на щенка с видом бизнес-леди, обнаружившей в косметичке мышь. Миг – и он юркнул в подвал, забаррикадировавшись изнутри.

Путь к Марченко был свободен. Я взял на руки нашего мохнатого проводника. От обилия впечатлений у того голова шла кругом, даже тявкать устал. Надо бы его вернуть побыстрее...

Света тоже так думала.

– Домой, – заговорщицки шепнула ему на ухо. – Пора спать, Тузик! Ты теперь у нас заслуженный мишка.

Мы вернулись к питомнику. За решеткой озадаченно расхаживала женщина лет сорока – в платке, болоньевой куртке, джинсах. Больше всего она напоминала деловитую грибницу... или как будет грибник женского рода?

Света бросилась ей навстречу:

– Это ваш? – жизнерадостно затараторила она. – У вас собак разводят?! Вот, сбежал! – и протянула щенка через ограду.

Малыш спал, устав от обилия впечатлений. Еще бы! Похищение, перестрелка с бандитами, невидимая тварь у крыльца...

Тетка смотрела на нас с подозрением:

– Где вы его нашли?

– Там, – взмах Светиной руки мог означать пол-Ведена. – Под скамейкой дрых, бо-омжик маленький! Забирайте бомжика.

Взгляд женщины смягчился:

– Спасибо. Мы уж думали, все, украли малыша.

– Могут. Народ нынче такой, – со всей возможной серьезностью подтвердил я.

– А знаете что? – Лицо грибницы осветилось. Она порылась в кармане и достала пластиковую карточку. – Это вам! Заходите как-нибудь. Это заведение наших клиентов. Правда, мы их из другого питомника снабжаем. Эти собаки им почему-то не годятся...

Я мельком глянул на карточку. Месячный абонемент на двоих, «Джебипум», ресторан корейской пищи. Быстро, чтобы Светка не заметила, спрятал в карман.

Не успел.

– Это просто праздник какой-то! – пропела Света с «карабасовскими» интонациями. Деловито вывернула мою руку, отбирая карточку.

И...

– Не по-оняла! Это что? Это как??!

Она возмущенно посмотрела вслед грибнице. Та уходила, унося с собой щенка.

– Вот уроды! Нет, ну вы посмотрите!

Она прищурилась вслед грибнице, что-то беззвучно бормоча. Затем схватила абонемент, порвала и швырнула на асфальт. Заклинание-дворник подхватило обрывки и сожрало их.

Похоже, ресторан корейской пищи ожидают черные денечки... Я примирительно положил ей руку на плечо:

– Да ладно, не переживай! А представляешь, что о нас индусы думают?

– Да-а... Хорошо хоть кошками никто не питается, – мрачно сообщила она. – А то еще и с египтянами были бы проблемы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*(Отдохновение, 13.20,
рассказывает Игорь Колесничий)*

Подъезд встретил нас живописно разрисованными стенами и ароматами кошачьей мочи. Лестницу не мыли несколько месяцев, и грязь под ногами жила своей деятельной жизнью, вцепляясь в подметки, стремясь поглотить их и приобщить к великому царству тьмы.

Как интересно! Я представил уборщицу, которая идет к дому и натыкается на дэва... И так пару месяцев подряд. Мда... Быть не может! Дзайаны давно прислали бы кого-нибудь убить чудовище.

Быть может, дэв принадлежит одному из жильцов? Тогда я его очень не люблю. Ну колдуюшь, так будь человеком, отзывай иногда! Уборщица, может, истосковалась по работе, на одной валерьянке живет.

У дверей квартиры нас ожидал очередной сюрприз. Вместо звонка торчали неряшлиевые проводки. На кожзаменителе виднелись рубчатые следы кроссовок и следы шила.

Я с осторожностью замкнул провода. В квартире ударил пронзительный свирепый зуммер. Человек, поставивший себе такой звонок, явно не ждал от жизни и людей ничего хорошего:

Зашаркали старческие шаги, и я отстранился, чтобы пропустить Свету к дверному глазку. Кто их, дзайанов, знает... Увидит незнакомца, пальнет файрболом сквозь дверь, доказывай потом, что мы по делу.

– Кто там? – хмуро осведомилась дверь.

– Здравствуйте, Алексей Петрович! – пискнула дзайана.

– Убирайся! Чтобы духу твоего здесь не было!

Так-так, интересно... Я выждал и еще раз соединил проводки. Руку дернуло током.

– Вы еще там? Я же сказал, убирайтесь!

– Алексей Петрович, вас из магрозыска беспокоят, – сообщил индифферентным тоном и помахал перед глазком удостоверением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.